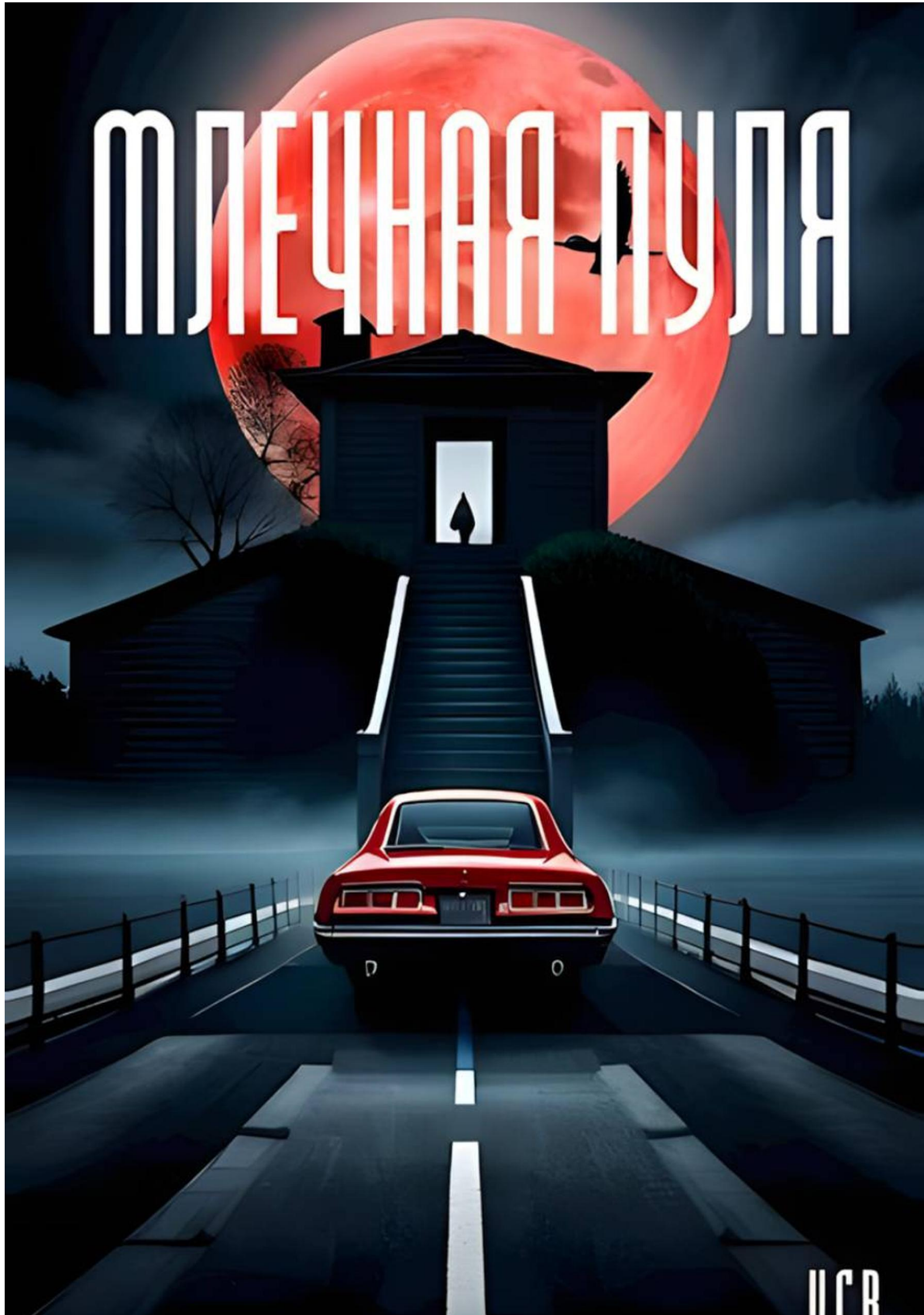

МЛЕЧНАЯ ПУЛЯ

УСР

Ч. С.В.

Млечная пуля

«Автор»

2026

С.В. Ч.

Млечная пуля / Ч. С.В. — «Автор», 2026

1980 год. Российская империя. Город Молога становится развивающимся городом. Сюда поступают новые технологии: от автомобилей до магнитофонов. Технологический рай для тех, кто идет в ногу со временем. Но и здесь нужен правопорядок. Разжалованный в простого патрульного Глеб Холодов ведет свою будничную ночную смену. Он отправляется на вызов от диспетчера с простой формулировкой "Стрельба во дворе". Прибыв на место, Глеб обнаруживает лучшую сотрудницу сыска убитой в собственной машине. Вскоре ему поступает предложение самому взяться за расследование этого преступления.

© С.В. Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О книге	5
Глава 1. "37"	6
Глава 2. "Макулатура"	16
Глава 3. "Елимаро"	23
Глава 4. "Огни"	33
Глава 5. "Мы чтим тайны"	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Млечная пуля

О книге

Здравствуй, уважаемый читатель! История написана максимально просто! Я хочу, чтобы твое воображение «играло всеми красками». Я дам лишь «шаблоны». Представь себе, как бы развивалась Российская империя 1980-х годов? Обстановка соответствующая. Персонажи книги «живут» через диалоги и динамичное повествование. Остальное — твое воображение. Не ошибешься. Не переживай, уважаемый читатель.

Каков будет язык (современный или дореволюционный) на вывесках красивого и развивающегося города Мологи? Решать тебе. Я специально оставлю «лазейки». Погружение в сюжет зависит исключительно от тебя. Буду рад твоему мнению в комментариях. Это помогает продвижению. Готов к детективу? Дерзай!

С уважением, Ч.С.В.!

Глава 1. "37"

Отпустите меня работать в ад, подумал Глеб. Он сидел в машине и пытался завести двигатель. Но автомобиль упорно отказывался ехать.

— Чертова колымага, — разозлился Глеб. — Давай же...

Мотор завизжал, а его дрожь передалась старенькому кузову. На кочках серебряная машина с белой надписью «ПОЛИЦИЯ» посвистывала. Салон дребезжал. Глеб свернул с главной улицы и помчался в сторону доков. Стояла полная луна, которая выделялась среди звезд на ночном небе.

Глеб посмотрел на свою фуражку с гербом российском империи. Она небрежно лежала на подлокотнике.

Пустой темный город с вычищенными улицами и трехэтажными стройными домиками находился во власти фонарей. Дорога хорошо освещалась.

Шипящая рация не смогла перебить разрозненные шумы автомобиля начала семидесятых. Глеб ехал на вызов и радовался, что его смена почти подошла к концу. Внешность Глеба соответствовала той униформе, в которую он был облачен: серьезное и каменное на эмоции лицо. Твердый взгляд прекрасно гармонировал с выразительными карими глазами. Спортивное телосложение позволяло быстро двигаться, пока его полные коллеги уже через несколько ступенек дышали, словно пробежали длительный марафон. Дополняли некую статность прямая осанка и низкий голос. Прическа не по инструкции, но фуражка маскировала андеркат. Словом, темно-синяя полицейская форма отлично на нем сидела.

У въезда на склад таможенной службы его встретил встревоженный охранник.

— Долго вы, — с укором сказал он, подбегая к водительской двери.

— Ты пришел болтать? — спросил Глеб. — Куда ехать?

— К пятому боксу. Сейчас прямо, а потом...

— Я знаю. Открывай...

Шлагбаум поднялся, и Глеб въехал на территорию складов. В это время тут кипела работа. В открывшихся боксах загружали фуры, а другие разгружали, перекидывая коробки с японскими видеомэгнитофонами из рук в руки.

В пятой зоне стоял грузовик с контейнером. Около кабины спорили двое: знакомый начальник склада (в светоотражающей форме) и мужчина в черной кофте, белых брюках и резиновых сапогах. Глеб не доехал несколько метров, потому что многострадальный двигатель заглох. Он вышел и уверенно направился к спорщикам.

— Привет, Глеб! — улыбнулся ему начальник склада.

— Ага. Что случилось?

— Платить не хочет...

— Я заплачу столько, сколько считаю нужным. — Напыщенный на вид мужик с вызовом косился на полицейского. — Мне сказали, что могу забрать товар...

— У тебя перевес! — разозлился начальник, взглядом требуя поддержки Глеба.

— Сколько в грузовике? — спросил Глеб.

— Две тонны, Глеб.

— А в документах?

— Полторы.

— Ясно. Где сотрудники службы безопасности?

— На пересменке.

— Слушай меня внимательно, — Глеб обратился к виновному. — Ты думаешь, что умнее всех, а? Прекрасно выбрал время для разборок. Там на пятаке стоит будка с кассиром. Оплати штраф. Или поедem в управление...

— Я договаривался, — оправдывался предприниматель. — Сообщили, что могу приехать. Почему вы так со мной разговариваете?

— Потому что твой грузовик с перевесом убивает дороги, — ответил Глеб. — Это преступление. С кем ты договаривался? — Он достал из правого кармана куртки блокнот с шариковой ручкой. — Я запишу их имена, чтобы знать, на кого подать рапорт. А что в контейнере? Или проверить?

— Кроссовки, — сказал начальник.

— У меня не останется прибыли, — запричитал предприниматель.

— Есть царские указы, а их нарушение грозит судом. К ним прибавь большие штрафы. — Глеб был непреклонен. — Будешь спорить? Есть выбор: поехать по своим делам или в управление до выяснения всех обстоятельств. Выбирай правильно.

— Я на тебя жалобу накаваю.

— Пришли мне по почте, — ответил Глеб.

Предприниматель хотел устроить новую разборку, но, видимо, передумал. Потряс головой от негодования и вырвал из рук начальника склада розовый штрафной квиток. Затем пошел в сторону кассы.

— Центр-тридцать седьмому. Прием! — «заговорила» рация.

Глеб наполовину залез в салон машины через открытое окно и нажал на черную клавишу.

— Тридцать седьмой на связи. Прием.

— Десять-тринадцать. Улица Счастья. У пятнадцатого дома.

— Принял, — сказал Глеб. С неохотой открыл дверь и уселся за руль.

— Спасибо, Глеб, — кивнул начальник склада.

— Обращайся, если еще артачиться вздумает.

— Непременно.

Глеб ехал на последний в смене вызов. Наручные часы указывали на половину третьего. Капли холодного дождя застучали по крыше и лобовому стеклу. Потом начался снег. Неприятные погодные условия.

Улица Счастья находилась в десяти минутах от складских помещений. Там жили работники разных отраслей и гости города.

Глеб сбавил ход, чтобы внимательно осмотреть место предполагаемого преступления. «Стрельба» могла оказаться чей-то шуткой или попросту фейерверком. Между пятнадцатым и семнадцатым домами стояла машина с включенными двигателем и красными стоп-сигналами. Премиальная модель марки «Ложе» изумрудного цвета в закоулке выглядела подозрительно. Еще и открытая дверь со стороны водителя в такую погоду...

Мачты городского освещения были обесточены. Глеб пытался включить фонарь на передней стойке своего автомобиля, но что-то коротнуло, лампочка вспыхнула, а потом безнадежно потухла. Фары служебной развалюхи угрожающе заморгали и отключились.

— Ладно, — сказал Глеб, доставая фонарик из бардачка. Он вышел из машины и направил его в заднее стекло «Ложе». Луч пронзил салон насквозь. Высветил пулевые отверстия и капли алой крови на лобовом.

Глеб вытащил пистолет из кобуры, удобно удерживая левой рукой фонарик под правой. На случай, если преступник попытается напасть из темноты.

Глеб осмотрелся по сторонам. Никого. Глухие стены домов смотрели друг на друга. Кто-то вряд ли смог увидеть, что здесь произошло. Напротив улицы заселить новые здания пока не успели. Поэтому Глеб сильно нервничал и оглядывался, доставая из кармана брюк резиновые перчатки, предчувствуя страшное.

Он не стал подходить к водителю, а решил осмотреть салон со стороны пассажирской двери. Под ногами неприятно чавкала мокрая глина, а ветер кренил влево своим порывом. Глеб увидел, что окно разбито и фонариком посвятил внутрь. На двух передних сидениях рас-

пластался труп женщины. В воздухе пахло порохом. Глеб замер, убирая пистолет. К ужасу, там лежала его коллега. В правом виске блестело пулевое ранение, а в бронежилете в районе груди зияла рана со сгустками крови. Безжизненная левая рука была в мелких порезах от осколков. Пистолет на затворной задержке (разряженный) находился на полу. Несколько гильз лежали на панели приборов. Голубые глаза в запрокинутой голове не моргали, а невидяще уставились на Глеба. Нет сомнений, что она мертва.

Глеб приложил пальцы к ее шее в надежде, что пульс выдаст хоть какие-то признаки жизни. Но, увы. Смерть настигла Лиду в машине.

— Твою мать. — Глеб спокойно вернулся к своему автомобилю. Его не покидало ощущение, что за ним пристально следят. Он неспешно дотянулся до рации:

— Тридцать седьмой - центру. Прием!

— Центр на связи. Прием.

— Десять-шестьдесят восемь. Адрес в заявке. Жду.

— Принято. Конец связи.

Глеб не стал осматривать место преступления, ведь мог «насорить». Теперь оставалось ждать специалистов. В голове не укладывалось, что лучший сотрудник пятнадцатого полицейского управления — труп.

Глеб мог обойти соседей, но вряд ли те согласятся давать показания. Пусть этим занимается сыщик. Инструкции на этот случай «черным по белому» приказывали просто охранять место убийства и доверить это дело криминалистам. Все, что мог сделать, это провести красную полицейскую ленту с надписью «Проход запрещен».

Глеб закурил. В этом городе никто бы не осмелился нападать на Лиду, зная, какие у нее родственники. Шумиха поднимется колоссальная. Прессе палец в рот не клади, а дай новый повод, чтобы заполнить все экраны и радиоволны страны страшной новостью.

В голове роились воспоминания о живой Лиде. Звонкий голос и надменный взгляд. Она могла найти общий язык с кем угодно. Симпатичная, но стареющая. Только неделю назад покрасилась в блондинку. Точенную фигуру портили полицейская форма и бронежилет. Казалось, что ей не место среди мужской и сложной работы, где каждый день возникают мертвецы на горизонте. Теперь и она заняла место бездыханного тела.

Глеб ненавидел свою коллегу. Причины имелись. Полицейские из отдела говорили за ее спиной, а он предпочитал презирать Лиду молча.

Спустя сорок минут рядом припарковался черный фургон с надписью «С.Г.» (Следственная группа). Оттуда вышли сыщик (толстый мужчина с густой бородой, в черных брюках и кожаной куртке), криминалист (прыщавый юнец с серым чемоданчиком в желтой форме) и кинолог (девушка с косой и в камуфляже) с овчаркой. «Скорая помощь» остановилась неподалеку.

Две полицейские машины прибыли позже. Начальник отдела Илья Никитич подошел к Глебу. Этот душный мужик с вытянутым лицом и обвисшими щеками скорчил трагическую мину.

— Прискорбно, — процедил он, поглядывая на Глеба. — Невосполнимая потеря.

— Я здесь не нужен? Моя смена закончилась, — сказал Глеб.

— Тоже так думаю...

Криминалист водрузил на треногу вытянутую палку и нажал на кнопку. Это новейшее приспособление для выявления любых улик называлось «Маяк». Из верхушки устройства полился лиловый свет, заливая место преступления. Глеб увидел следы своих ботинок, когда подходил к «Ложе». А вот другая цепочка из отпечатков обуви была как на ладони и тянулась от открытой двери водителя.

— Или мне остаться? — спросил Глеб, глядя на сыщиков, которые начали ходить по домам. — Лишние руки не помешают...

— Нет. Езжай в отделение и пиши рапорт. Он может пригодиться. Рад, что ты не поперся напролом, а обогнул тачку. Свидетели есть?

— Только тот, кто вызвал. У него и спрашивайте. Но никто не даст показания, зная, что за ним в любой момент придут. В наше время полиция плохо работает. Почему-то...

— Вечно твои тупые намеки, Глеб. Даже в такой ситуации юмор...

— Не я же на ее месте, Илья. Вы бы не упустили возможности пошутить на этот счет...

— Вали в отделение. Не хватало еще такого зоркого глаза, как у тебя в этом деле.

— И я об этом.

Глеб сел в машину и уехал. Он понимал, что разминусся с убийцей. «Маяк» наглядно показал, что к «Ложе» подошли сзади. Но почему тогда Лида стреляла через лобовое стекло? А открытая дверь? Что Лида делала здесь? Столько вопросов и так мало ответов.

Глеб подъехал к родному отделению. Белое двухэтажное здание с дубовыми дверями и гербом у главного входа особняком стояло на фоне стеклянных высоток.

Глеб просигналил на подъезде к бетонному забору. Решетчатые ворота отъехали назад. Он припарковал колымагу в углу парковки. Сонный охранник в будке вытянул руку и получил ключи, записывая другой время прибытия полицейского.

Лифт отвез Глеба на второй этаж. Там он зашел в оружейную комнату и разрядил пистолет, вытащив магазин с восемью патронами. За полтора года оружие ни разу не выстрелило. Сделал пометку в журнале и пошел в шестой кабинет. Открыв дверь, он почувствовал перемешанные запахи пота и табака. Мужчины, как бабки на базаре, всю смаковали убийство Лиды.

Глеб терпеть не мог здесь появляться. Окна вечно закрыты, потому что начальнику холодно, а сотрудники сидят в середине комнаты среди бумажных завалов. Никаких переговорок. Нос пробивал смрад «любителей» мыться не чаще, чем два раза в месяц. Глеб про себя называл их маргиналами и жалел, что сейчас берут тех, кто о себе позаботиться не может, не говоря уже о гражданах. Благо, реформа запущена и призвана сделать эту профессию престижной.

— О, Столик пришел! — заржал зеленолицый, ушастый худощавый секретарь.

Все дружно подхватили давнюю и заезженную шутку. Глеб натянуто улыбнулся, но, пройдя мимо своего обидчика, опрокинул на него стаканчик с остывшим кофе, стоящий на краю стола.

— Гриша, начальника нету. А я здесь.

— Ты шуток не понимаешь, Глеб? — занервничал Гриша, вытирая черные капли со своей ширинки.

— Слышать ее постоянно — это не шутка, а идиотизм. Я бы рад посмеяться, когда привяжу тебя к бамперу и покажу окрестности города. Готов к приключениям, крыса офисная?

Глеб говорил спокойным и вкрадчивым голосом. Однако все инстинктивно почувствовали нотки угрозы и сразу затихли.

— Так я и думал, — сказал он. — Дай мне ручку и лист, неандерталец. Я только с места преступления, а ты из дома, где живешь с родителями. У меня нет времени с вами шутить...

Коллеги прыснули от смеха, но делали вид, что сосредоточенно работают. Глеб подробно записал на бумаге обнаружение тела. Поставив точку, он проследовал к единственной девушке — секретарю Ильи Никитича, Галине.

— Доброй ночи, Глеб, — дружелюбно поздоровалась она.

— Привет, Галь, — сказал Глеб. — Это рапорт о происшествии.

— Неужели правда?

— Да.

— Ясно. — Она опустила глаза. — Все равно рада, что пришел. Тебя вызывают в главное управление. Сейчас.

— В половину четвертого утра?

— Я тоже здесь, Глеб, — недовольно ответила Галина. — Всех на уши подняли. Нас ждут горячие деньки...

— А меня обычная работа. Спасибо. Пока.

— Оружие брать нельзя. И машину. Распоряжение. Извини, — виновато прошептала Галина.

— Весело. Ладно. Пока, Галь.

— Пока, Глеб.

В раздевалке Глеб переоделся в свою гражданскую одежду. Серые брюки он зафиксировал кожаным брендовым коричневым ремнем. Поверх синей майки надел белый свитер, а завершающим образом стало двубортное черное пальто. В шкафчике он ничего не хранил. Даже фотографии с близкими ему людьми. А принимать ржавый душ не стоит, ведь грибок стопы никто не отменял.

Он вышел из управления МВД под номером «15» и зашагал к главному зданию. Светочу закона и правопорядка. Так охарактеризовали его журналисты из царской газеты.

Глеб немного нервничал. Не значит ли, что его подозревают? Оружие запретили. Идти пешком не проблема. Но, что ждет в застенках? Допросы? Знал Глеб эти «разговоры по душам». Дубинкой он не получал, но слышал, что о таких «добрых» сотрудниках говорят. Выбора нет. Да и не тот Глеб человек, чтобы прогнуться под обвинениями. С отличием закончил полицейский университет и прошел службу в армии.

На улицах в это время гуляли только жители с собаками. Играло радио около круглосуточной лавки с выпечкой. Глеб захотел купить шаурмы, но новое пальто вряд ли бы выдержало химчистку из-за жирных пятен.

Ровно в четыре Глеб прибыл в фойе главного управления. Полицейский на посту внимательно осмотрел посетителя и записал данные из удостоверения.

— В сорок первый кабинет, Холодов, — отрезал он и зевнул. — По лестнице до четвертого этажа и налево. Лифт не работает.

— Понял. Спасибо.

Мраморный пол издавал гулкие звуки из-за каблучков на вычищенных ботинках Глеба. Роскошью здесь оказался пропитан каждый сантиметр. Стены из начищенного гранита и дорогостоящие люстры делали интерьер серьезным и важным для работы.

Глеба на четвертом этаже встретил устанный красный ковер поверх паркета. Около сорок восьмого кабинета Глеб остановился, постучал в дверь и вошел.

Кабинет, обитый в ценные породы дерева и с узорчатыми раритетными светильниками, походил на комнату из богатого поместья. За столом сидел Носков Николай Валерьевич, чиновник высшего звена таможенной службы.

Глеб давно не читал новости. Поэтому не знал, какой должности был удостоен его собеседник. Но нахождение здесь серьезного «дядечки» неспроста: это отец Лиды. Пухлые руки с пигментальными пятнами дергали за резинку от денег. Полное лицо подчеркивалось красным галстуком, а умные карие глаза смотрели на Глеба. Николай Валерьевич вытер с морщинистого лба капельки пота бумажным платком и почесал залысину на голове.

— Проходи, — сказал он, когда Глеб закрыл дверь. — Поговорим?

Глеб понял, что они не одни, когда краем глаза заметил шевеление в темном углу кабинета.

— Присаживайся, — предложил Николай Валерьевич, указывая на стул с изогнутой спинкой, когда Глеб подошел к столу.

— Я постою, — ответил Глеб, ощущая на себе взгляд незнакомца за спиной. — Поговорить о Лиде?

— Да.

— Ты думаешь, я ее свинцом накормил? — с вызовом спросил Глеб.

— Заткнись! — взревела фигура из сумрака, вскочив на ноги.

— Твой паршивый одеколон я за версту чую, Ярик, — холодно парировал Глеб. — Не дергайся, а то трость из рук вывалится. Еще придется меня о помощи просить...

— Выйди, Ярослав, — приказным тоном сказал Николай Валерьевич. — Мы побеседуем наедине.

— Ничего ему не предлагайте. Слышите меня? Он настоящий подонок.

— Я сам разберусь. Езжай встречать дочку, — невозмутимо продолжил Николай Валерьевич. — Иди же...

Из тени вышел смуглый мужчина с лакированной деревянной тростью в левой дрожащей руке. На злобном лице отражалось отношение к Глебу — так они ненавидели друг друга. Очки в тонкой оправе блестели в лучах светильника. Одетый в твидовый деловой костюм, он хромал и кряхтел, словно так пытался держать равновесие. Напоследок, одарив Глеба уничижительным взглядом, вышел, громко хлопнув дверью.

— Не следовало тебе с этого начинать, Глеб, — спокойно произнес Николай Валерьевич, тяжело вздыхая. — Как бы ты себя чувствовал, если родной для тебя человек умер?

— Не жди от меня извинений. Не тебе мне напутствовать. Ваша семейка сделала все, чтобы я оказался в паршивой должности. И не припоминай мне семьдесят шестой год. Там все уладилось.

Глеб пододвинул стул к столу и сел, безэмоционально смотря в глаза уставшему чиновнику.

— Не надо строить из себя жертву, Глеб.

— Я просто констатирую факт, уважаемый, — усмехнулся Глеб. — Я столько сил приложил, чтобы оказаться в Мологе. И что в итоге? Постовой? Из-за того, что перешел дорогу твоей любименькой дочке? Есть причины, как видишь.

— А почему тогда не уволился?

— Вы не те, кто сможет сбить меня с пути, старик. По контракту я отрабатываю здесь оставшиеся два года и заново могу подать документы на сыщика. Причем в любой город. Я не из тех, кто забивается в угол. Пройти такой путь и споткнуться о вас? Увольте.

— Я тебя услышал, — лениво ответил Николай Валерьевич. — Согласен, что причина серьезная. Я думал об этом, Глеб. Теперь карты на твоей стороне...

— Как прозаично, — сказал Глеб. — Ближе к делу. Если я не в подозрении, то что здесь делаю?

— Ты прав. Я позвал тебя с единственной целью. Видишь, как жизнь повернулась? Приглашаю к расследованию дела убийства моей дочери.

В кабинете воцарилась натянутая тишина. Глеб ожидал услышать, что угодно, кроме этого. Но Николай Валерьевич не шутил:

— Я расскажу, почему этот выбор для меня верный.

— Но...

— Послушай и подумай над предложением.

— Ладно. Выкладывай.

— В армии ты закончил службу старшим сержантом. Затем прошел школу сыска «Млечного». Про юриспруденцию можно и не говорить. Я чувствую некую вину перед тобой, Глеб. Уверен, что вы бы с Лидой сработались...

— У тебя столько слуг для этой работы, — заметил Глеб. — И выбрать того, кто ненавидел Лиду? Странно, не находишь?

— Мне уже предложили помощь. Но никто не будет подпускать меня к делу. Я вскоре уйду на пенсию, Глеб. Бегать в шестьдесят семь за убийцей...

— У тебя много связей.

— Как только я уйду с поста, то секретные документы окажутся мне недоступны. Вот и весь вывод. А расследование по-любому в эту категорию отправят. Первое убийство полицейского в этом городишке...

— Найми крысу в отделе. Вы же раньше так и делали.

— Рад, что ты упомянул об этом. Но я привык все контролировать. И мне еще стукачей не хватало. Если об этом прознает чиновье, то мною займется налоговая и другие прокаженные, коих царь наплодил великое количество. Готов предложить тебе перевестись намного раньше. И в должности сыщика...

— Ближе к делу, — заинтересовался Глеб.

— Все законно. Но не хочу привлекать внимание к расследованию. Пусть справедливость восторжествует, Глеб. Я переведу тебя в новый отдел «Млечный». С сегодняшнего дня не нужно гонять шпану и драться с алкоголиками. Мне пришлось лоббировать указ о новом отделе по всей империи. Ты слышал о царской реформе полиции?

— Да. Чума здорово подкосила наше население...

— Именно. Болезнь оставила свой отпечаток. Вот и приходится затыкать дыры бесполезными для государства спиногрызами. Но движение в правильную сторону запущено, пусть и с маленькими пометками. Я никому не могу доверить это дело, не раскрыв себя. Пенсионеры не важны, Глеб. Даже хорошие чиновники в отставке...

— Тебя губит твой контроль, — сказал Глеб, понимая к чему клонит собеседник.

— Таков беспокойный характер старика, Глеб. Мне будет лучше, если дело дадут тому, кто может раз в неделю докладывать о его ходе. Не хочу получать постоянные отписки от какого-то хрыча, приросшего к кожаному креслу. Просить и умолять? Стар я, чтобы им в ножки кланяться.

— За мной тоже следил? — спросил Глеб.

Николай Валерьевич кивнул и вытащил из ящика стола личное дело Глеба.

— Последний лист указывает, что ты неадекватен и буйный. Даже вижу, как Лида сама от руки написала. Узнаю этот почерк.

На глазах Глеба он демонстративно разорвал характеристику и выкинул обрывки в мусорное ведро.

— Я даю шанс начать с чистого листа. После успешного завершения расследования ты будешь переведен в любой город, какой захочешь. Знаю, что Молога тебя бесит. Но домик в губернии все же отстроил...

— Десять лет на него копил. Своей заработной платой. И даже без видеомэгнитофона остался.

— Знаю. Готов принять мои условия? Я выдам полномочия на расследование. Только раз в неделю буду ждать отчета. И все.

— Сколько у меня времени подумать?

— Его нет. Здесь и сейчас, Глеб, — заявил Николай Валерьевич. — Я бы не стал предлагать тому, кого можно подкупить денежкой. Никаких взяток и манипуляций.

— У тебя был ассистент. Белобрысый такой...

— Умер от неизвестного вируса.

— Не знал, что такие появились.

— И я, Глеб. Но факт в том, что он скончался от обычного гриппа.

— От простуды?

— Врачи говорят, что какая-то неведомая зараза бродит по миру. Как бы новой эпидемии не случилось...

Глеб достал красную пачку сигарет «Солдат» с изображением курившего пехотинца.

— Не угостишь? — спросил Николай Валерьевич. — Знаю, что табак убивает, но эту марку всегда курил. Не могу другие, когда мои закончатся...

— Конечно, — кивнул Глеб, вытаскивая три сигареты, а саму пачку кидая на середину стола. — У меня дома еще лежат.

— Благодарю. Пусть это останется между нами, а то женушка бунтует... Вред сигарет ее удручает. Она запретила курить в доме и перед внуками...

— И правильно делает. Эту гадость легко начать курить, а вот бросить...

— Вот-вот, — согласился Николай Валерьевич, закуривая. — Надо бросать, а то скоро легкие выплюну. — Он перевел взгляд с сигареты на Глеба. — Возьмешься за это дело? Мне важно. Сам понимаешь. Все навыки у тебя имеются. Не на своем ты месте, Глеб. Лида была умной, но в будущее не смотрела. Прискорбно признавать, но она недооценила тебя. Иногда вела себя как ребенок со своими обидами. Но скажу честно: завидовала. Такой послужной список. Читала по ночам отчеты о твоей работе в Питере.

— Я согласен, — ответил Глеб. — Но только ради своей карьеры. И помощи другим людям. Убийца может почувствовать безнаказанность и начать на нас охоту.

— Верно.

— Когда мне приступить?

— Спустись на второй этаж. Если пойдешь с левого крыла по лестнице, то попадешь в отдел «Млечный». Там ждет Арсений. Твой напарник. Я знаю, что ты работаешь один, но на улицы он не сунется. Смышленный малый и не трус. Поможет в поиске информации. У него найдешь дело Лиды. Я в том году наблюдал за ней, но она просекла слежку. В итоге, все ее знакомые и друзья с адресами и номерами телефонов остались прошлогодней давности. Есть поле для размышлений.

— А где находится «ложка»?

— Какая? Не понял, — тряхнул головой Николай Валерьевич.

— Машину марки «Лже» называют «ложкой» в народе, — поспешно объяснил Глеб.

— Древний я для вашего сленга, — сказал Николай Валерьевич. — Можно личный вопрос?

— Какой?

— Почему ты перевернул стол у психолога в семьдесят шестом?

— За глупые вопросы, не имеющие отношения к тому делу.

— Хорошо. Надеюсь, что ты справишься, Глеб.

— А если нет?

— Передам дело в Москву и признаю поражение. Но я уверен, что ты помнишь об уговоре. Ответственность тебя красит, Глеб. «Ложка» утром отправится на стоянку.

— Пока, Николай Валерьевич, — сказал Глеб. Он поднялся со стула и быстрой походкой дошел до дверной ручки. Надавил на нее и обернулся.

— До встречи, Глеб. Забыл сказать, что столы в отделе прибиты к полу.

— Учу.

Глеб задумался, пока спускался по пустой лестнице. Уже успел представить, что его обвинят, а вышло все иначе. Он быстро просчитывал законность действий, но теперь-то его заметили. Пора навыкам вновь заявить о себе. Долго они прозябали в голове.

Странно видеть в таком монументальном классическом убранстве управления обычную офисную белую дверь. Табличка «Млечный» еще не успела запылиться, а все вокруг пахло свежей краской. Видно, что спешили с открытием. Он попал в узкий коридор с кабинетами со стеклянными стенами. В кабинете напротив послышался шум.

Глеб в комнате с оружейными сейфами застал сотрудника. Молодой мужчина в строгом черном офисном костюме раскладывал папки с бумагами и расфасовывал их по ячейкам картотечного шкафа. Коротко стриженный и суровый на вид сотрудник при виде Глеба заулыбался. Выпирающие скулы активно работали, пока он жевал жвачку.

— Глеб? — спросил он.

— Да. А ты Арсений, — кивнул Глеб.

— Рад знакомству.

Они обменялись рукопожатием. Арсений достал из сейфа вороной пистолет калибра «7,62» и положил на железный стол перед Глебом.

— Думаю, что ты знаком с этой пушкой. «ТТ-66». Про стрельбу в замкнутых пространствах тебе и так известно. — Он кинул рядом с оружием две упаковки патронов и аккуратно разложил четыре магазина. Выудил из ниши стола бумажный пакет. — Все подсчитано. Клади сюда.

— Понял.

— Дальше, — продолжил Арсений, — Твое удостоверение у меня в кабинете. Но сейчас возьми вот это. — Он снял с ближайшей к нему вешалки новое средство защиты. — Бронежилет из кевлара. Только поступили. Лида в таком же ходила...

— И была убита, — закончил за него Глеб, бросая снаряжение в пакет и хватаясь за тонкие ручки.

— Да. Но вещь хорошая. От пистолета спасет. Лучше синяки на живом организме, чем на мертвом теле.

— Ага.

— Пойдем, — позвал Арсений, когда Глеб вытащил нужную кобуру из сейфа.

Они зашли в светлый кабинет. Глеба смущали стены мягкого зеленого оттенка. В углу стоял стол, а за ним дубовый шкаф с вставленным в замочную скважину бронзовым ключом.

Арсений протянул удостоверение и серую тонкую папку.

— Здесь все про Лиду. Ознакомься. Знаю, что дело знатно почистили, но все ее знакомые отражены. Времени узнать жизнь Лиды хватит. Пока нет экспертиз, то остается просто ждать. И последнее...

Он достал из полки стола конверт и ведомость.

— Смотри, Глеб. Распишись за оружие и командировочные. Двести рублей. К зарплате они отношения не имеют.

— А сколько она? — поинтересовался Глеб, пока ставил подписи в документе.

— Ты триста рублей в месяц получал?

— Да.

— Нам платят восемьсот в двадцатых числах.

— Хорошо, — кивнул Глеб, убирая конверт с купюрами во внутренний карман пальто.

Арсений огляделся, а потом поднял руку на уровне подбородка и махнул, бормоча:

— С деньгами и оружием решили... Что еще?.. Вот!

Он похлопал по брюкам и достал из левого кармана ключи с брелоком медвежонка.

— Машина... Короче, это служебная тачка Лиды. Там рация в бардачке для связи со мной. Бери и не парься. Сломается — гараж на нулевом этаже.

— Ясно. Спасибо.

Арсений из дерганного человека мгновенно превратился в само спокойствие. Он встал напротив Глеба и сказал:

— Надеюсь, что недопониманий не будет. Я работаю в офисе, но приеду, если запахнет жареным. — Он протянул листочек с цифрами. — Мой домашний номер телефона. Только ночью не звони.

— Понимаю, что семья...

— Дочка и жена, — улыбнулся Арсений. А потом посуровел: — По рации с тобой на связи с девяти утра до шести вечера. Мы сработаемся, если будет взаимопомощь.

— Какая?

— Я веду дело о пропавших без вести. Надеюсь на твое участие в поисках...

— Идет.

- Отлично. Я не путаюсь у тебя под ногами, а ты не командуешь мной...
- Я понял, Арсений.
- Журналисты сегодня начнут осаждать твою квартиру. Уезжай на три дня. Дача сойдет.
- Я как-то не подумал. Спасибо, что предупредил.
- Не за что, коллега. Поехали по домам.

Глава 2. "Макулатура"

Арсений наполовину открыл дверь, чтобы выйти, но Глеб резко захлопнул ее.

— Слушай, приятель, — сказал он. — Ничего глупее за сегодня не слышал. Старик думает, что я каждому человеку на похоронах буду в глаза смотреть?

— Но,.. — начал было Арсений.

— Если ты готов сливать им всю информацию по этому делу, то у меня для тебя плохие новости. Сухого отчета в конце недели хватит, ясно? Или ты думал, что я тебе доверюсь?

— Я знал, что ты догадаешься...

— Просто включил логику, — ответил Глеб. — Решай, как будем работать?

— Что ты хочешь?

— Рассматривать полоумному пенсионеру каждый мой шаг я не позволю. Поэтому советую тебе просто ограничиться парой слов. Повторюсь, отчета будет достаточно. Или так, или веди свои дела сам... Лишних звездочек они для тебя не приготовили. Не сомневайся, Арсений. Не умеет их семья ценить любую помощь, а принимают это как должное. — Глеб открыл дверь. — Мы работаем в паре?

— Да, — кивнул Арсений. — Ты прав. Я понял.

— Рад это слышать. Пойдем, — сказал Глеб, бесцеремонно запикивая папку в пакет. — Проведешь меня на стоянку. Поздно уже.

— Так ты поедешь? — с тревогой в голосе спросил Арсений. — Могу ему соврать...

— Не надо. Хочу отдохнуть. Не люблю шум города.

Они спустились по лестнице на цокольный этаж. Там стояли припаркованные машины, окруженные белыми рамками на мокром черном асфальте.

— Я положил в багажник ветровку нашего отдела. Меня бесит, что они написали «Полиция» во всю спину. Могли просто оставить эмблему на груди, — грустно заметил Арсений, доставая ключи от своей машины. — В любом случае, тебе повезло, что урвал такую машину...

— Не вижу поводов для радости, — сухо бросил Глеб. — Неужели нет другой?

— Только эта. Не знаю, что у вас было с Лидой...

— В каком смысле?

— В рабочем, — поспешно ответил Арсений. — Ты бы видел свое лицо, когда я тебе эту тачку предложил.

— Есть причины, — сказал Глеб и замедлил шаг, когда из-за серого фургона показалась задняя часть бордового «Дуксмобилia V8». Та самая.

— Увидимся через несколько дней, Глеб, — зевнул Арсений. — Рад, что и у меня завтра выходной. Есть время поразмыслить. Пока.

— Ага.

Глеб подошел к водительской двери. Автомобиль в кузове «Гранд купе» выглядел внушительным: плавные линии с капота медленно перетекали к мускулистым задним крыльям. Свежая широкая резина с красными полосками указывала на принадлежность к мощным машинам. На брейлоке находились две кнопки со значками «Вкл» и «Выкл». Он надавил на вторую. Круглые фары моргнули, а писк разнесся по всей парковке. Щелкнул центральный замок.

Ручка поддавалась вперед. Глеб сел за руль и захлопнул дверь. Положил пакет на пассажирское место. Салон претендовал на премиальность. Передние сидения и задний диван были обиты красной кожей, как и мягкая панель со вставками под благородное дерево. Про руль Глеб мог сказать просто: «Сделано для людей».

Магнитола «принимала» компакт-кассеты, а две клавиши позволяли поймать любую радиоволну. Несколько кнопок оставлены для регулировки кондиционера. Самое главное для Глеба — это автоматическая коробка передач. Можно ездить на дальние расстояния с ком-

фортом. Впрочем, неприятность состояла в том, что этот «железный конь» потреблял много бензина. Зарплата к такому не готова.

Арсений уехал на черном «универсале» от марки «Руссо-Балт» пока Глеб проверял автоматические стеклоподъемники.

В голову лезли неприятные воспоминания... Когда Глеб шел к патрульной колымаше, то видел, как над ним из «Дуксмобиля» смеялась Лида. Ее самодовольное лицо словно отпечаталось в его черепной коробке. А затем смех сменялся мертвой Лидой.

— Сработаемся, — вслух сказал Глеб, заводя рычащий двигатель. Он выехал из парковки и очутился на пустынной дороге. Город еще спал. Дождь со снегом закончился. Лишь лужи бликовали в свете фонарей.

Автомобиль хорошо слушался. В салоне оказалось не так шумно, но ревущий мотор все портил. Глеб пристегнулся ремнем безопасности. При выезде из города образовалась небольшая пробка. Стоял полицейский кордон. Каждую машину осматривали, но сотрудник досмотра кивнул Глебу, пропуская дальше.

Глеб помчался в сторону села Иловна. Оно находилось в пятидесяти километрах от Мологи. Там ожидал домик, его убежище.

Он боролся с собой, пытаясь подавить в памяти тот роковой год, когда перешел дорогу Лиде. Смотреть на идиотов, которые с легкостью шли по карьерной лестнице, было невыносимо. У Глеба возникла навязчивая идея скинуть эту чертову машину в Волгу. Со стороны он выглядел спокойным, но его нервы...

На полпути Глеб свернул к круглосуточному супермаркету «Минуты монет». Схватил тележку и зашел внутрь.

Из покупателей никого. Тишину нарушали монотонная музыка доносившаяся из хрипящих динамиков и гул холодильного оборудования. На прилавках лежали продукты на любой вкус. Помещение было поделено на секции с надписями: «Бакалея, Напитки» и др.

Глеб достал из холодильника пельмени с говядиной. Он проследовал дальше и почувствовал, что за ним следят. Из-за торгового ряда с булочками высматривала седая голова охранника. Он сверлил взглядом единственного покупателя, а Глеб старательно не обращал внимание на назойливого смотрителя магазина.

Следом в корзину отправились кефир, творог (9% жирности), два литра яблочного сока и упаковка печенья. Последним в списке оказался майонез. Охранник делал вид, что прогуливается рядом. Он, как надоедливая муха, кружил мимо Глеба, но подходить ближе не решался.

Глеб подошел к кассе. Положил покупки на дребезжащую продуктовую ленту. Судя по сонному лицу полной кассирши в красном фартуке, гостеприимством здесь не пахло.

— Ты не забыл жвачку из кармана вытащить? — властно спросил охранник. С его жирных волос на плечи падала перхоть, а выпячивающее через черную футболку пузо тряслось, словно желе. — Я слежу, чтобы воры не крали мой товар...

— Нет, — ответил Глеб, чувствуя, что морально готов к словесной разборке. — Думал, я не видел, как твоя немытая башка из каждой дыры высывалась? Язык проглотил?

— С ворами в своем магазине общаюсь по-другому...

— На неандертальском?

У охранника сжались кулаки, но на Глеба это никак не подействовало. Он лишь усмехнулся и нащупал в кармане удостоверение. Достал его и сказал:

— Чтобы провести обыск, нужно двое понятых. Не знал, что охранник может позволить себе купить магазин. — Он обратился к наблюдающей за происходящим кассирше: — Что ты вылупилась? Пробей товары и дай блок красных «Солдат».

— Сейчас, — испугалась она и принялась бодро "считать" покупки.

— Может, тебя в отделение отвезти и показать, что такое власть, а? — продолжал Глеб, и с каждым словом его голос становился суровей. Он не сводил глаз с оторопевшего охранника, который понял, что перед ним полицейский.

— Мне показалось...

— Купи себе очки... — Глеб убрал удостоверение. — Иди в пещеру, где тебе и место. Есть желание досмотреть?

Охранник ушел, поворачиваясь корпусом, словно боялся получить пулю в спину.

— Сколько с меня? — спросил Глеб у кассирши.

— Сигареты стоят шесть рублей. Остальное: восемь рублей и сорок копеек.

Глеб положил на монетницу пятнадцатирублевую купюру и от злости швырнул продукты в тележку, забыв про целлофановый пакет.

— Себе на жвачку оставишь, — процедил он, когда та вытащила сдачу.

Закинув покупки в багажник, Глеб сел в машину. И понял, что от усталости совершил непоправимую ошибку: оружие оставлено без присмотра. Убедившись, что все на месте, Глеб выдохнул.

Чуть не сорвался, подумал он. Так хотелось дать по наглой морде этому индивиду!

Глеб закурил в салоне, пытаясь сбить стойкий цветочный аромат парфюма. Сколько еще он будет остро реагировать на слово «вор»?

Странно, что пару часов назад он достиг того, чего так хотел. Получил удостоверение сыщика... Но каким путем? Нельзя провалить это дело. Ему не стоит поглощаться в раздумья. Нужно отдохнуть и решить...

Глеб затушил сигарету в пепельнице. Музыка включать не стал, потому что не любил отвлекаться от дороги. Машина ехала вдоль реки, а подвеска хорошо «проглатывала» выбоины и неровности.

Глеб сбавил скорость, когда впереди показалась освещенная резная арка с надписью «Добро пожаловать в Иловну». Проехал старинные магазинчики и миновал безлюдную центральную площадь.

На Графской улице стояли дома, окруженные аккуратными низкими заборами. Наконец жилище под номером «34» встретило Глеба слепыми окнами. В соседской избе из трубы шел дым.

Глеб включил на коробке передач задний ход и медленно продвигался к гаражу, надеясь никого не разбудить в округе. Кое-как водрузил пакет с пистолетом на покупки, держа эту хилую конструкцию в руках. Поставил машину на сигнализацию. Та напоследок моргнула фарами.

Глеб с трудом открыл входную дверь с помощью ключа, прижав подбородком эти несчастные товары с оружием.

Потянуло сквозняком. Опять не закрыл форточку на кухне. Сразу направился к ней по узкому коридору, мимоходом стараясь не задеть в темноте двери туалета и ванны.

Сквозь мутное окно кухоньки пробивался свет из ближнего фонаря на улице. Положив ношу на стол, Глеб подошел к электрощиту под настенными часами и дернул за рубильник. Вспыхнула лампочка в люстре. Загудел серый холодильник. На полке возле него включилось радио: «Думаю, что наша страна сможет достойно показать себя на международной арене. В качестве примера могу привести Османскую империю. Товарооборот превосходит все прогнозы»...

Глеб снизил звук до минимума. Не хотелось слушать очередного знатока политики.

Кухня в двенадцать квадратных метров задумывалась как место только для готовки. Поэтому Глеб не сильно переживал за черную плитку над плитой с двумя конфорками. Всего три напольных белых шкафчика с вместились в такое небольшое пространство, а верхние для бывшего военного вообще не имели никакого смысла. Он здесь несчастный «гость».

Глеб открыл холодильник, чтобы положить свои покупки. Только любимое малиновое варенье да маринновы кабачки ждали своего часа в маленьких на дверце в баночках. Пельмени отправились в пустую морозилку, а остальное, кроме печенья и сигарет — на полки.

Затем Глеб пошел в гостиную. Она являлась проходной к двум комнатам. Одна была спальней, а в другой стояла стиральная машина и котел для обогрева. Сейчас не стоило запускать отопление, ведь от перепада температур могли полопаться трубы.

Слева стоял обычный диван из пурпурного велюра (куплен по скидке), а рядом журнальный столик на трех ножках. Гордость дома — красивый кирпичный камин, в котором лежали заранее оставленные дрова, а под ними торчала бумажка. С помощью зажигалки Глеб быстро разжег огонь, ощущая тепло.

Теперь прошлое...

В распашном коричневом шкафу, за прозрачным стеклом пылились прошлые достижения Глеба: фотокарточки, где он стоит рядом с друзьями в шортах для занятий тайским боксом. Остальные фото заботливо положил в альбом с синей окантовкой. Аккуратно разложены по периметру награды за участия в спортивных соревнованиях и красный диплом об успешном прохождении учебы в университете. Вот и грамота о втором месте в военных сборах.

В углу Глеб заметил то, что так и не решился выкинуть: фотографию в разбитой рамке. Семилетний мальчик в пуховике и джинсах хмуро смотрит в объектив фотоаппарата. Неподалеку улыбается внушительного вида бородатый мужчина с маленькой девочкой в крошечном пальто и валенках на руках. За их спиной виднелся густой лес.

Глеб открыл крайний левый шкаф и убедился, что никто не лез в сейф. Набрал комбинацию из четырех цифр и открыл его ключом. Нужно спрятать пистолет и патроны...

Когда с этим делом было покончено, он запер входную дверь и принял решение заночевать в гостиной у камина. Снял пропахшее сыростью покрывало с дивана и лег вздремнуть. Скинул ботинки и повернулся на левый бок.

Разлепил глаза от стука и льющегося в дом дневного света. В окне улыбалась взъерошенная голова старика без передних зубов.

— Глеб! — радостно кричал он, постукивая костяшками узловатых пальцев по стеклу. — Сигарет не будет?

— Будет, — хрипло протянул Глеб, вставая с дивана. Наручные часы показывали половину второго дня. — Сейчас выйду!

Старик кивнул и пропал из виду. Глеб сходил на кухню, зевая и ежась от холода. Разорвал блок и взял оттуда три пачки. Сосед частенько ходил к нему в гости и ориентировался по машине у гаража.

На крыльце, потирая руки, стоял дед Матвей в протертых спортивных штанах и жилете поверх клетчатой красной рубашки.

— Возьми, дед Матвей, — сказал Глеб, протягивая сигареты. — На пару дней хватит...

— Благодарствую стражу закона, — усмехнулся сосед. Он сорвал пленку на первой пачке и выудил сигарету. Бодро прикурил от спичек и выдохнул дым. — Моя Манька свихнулась. Скороговорками стала говорить...

— А медовая маска уже не в моде? — спросил Глеб, сдерживая смех. Эта семейная пара стояла друг друга. Вечно веселили своими выходками.

— Треклятый журнал заказывает. Там теперь от морщин скороговорки помогают. Устал слушать с утра до ночи. Вот и хожу на рыбалку по утрам. Холодрыга! Поводилась Манька слушать этих светил медицины. Тыфу!

— Хорошо у нее получается?

— С переменным успехом. Как бы до барсучьего жира для волос не дошла. Собирается со своими подружками на скамейке и талдычат. Мол, в горы отправятся...

— Туристами заделались?

— А то! — шмыгнул носом дед Матвей. — Спятила на старость лет. Ходит с палками от лыж вокруг села.

— Бывает.

— Надолго в родных пенатах?

— Через три дня уезжаю, — ответил Глеб, закуривая. — Дел много...

— Машина зачетная, — заметил дед Матвей, делая руками круг. — Я только на тракторе рассекал. Говорил тебе?

— Каждый год, дед Матвей, — улыбнулся Глеб, закуривая. — Это служебная. Работа закончится, и заберут ласточку...

— А-а-а-а, — протянул дед Матвей. — Если к тебе участковый придет, то ты меня прикроешь?

— А что опять у тебя случилось? — зевнул Глеб, упершись спиной о дверь дома.

— Я позавчера Иловну на уши поднял, — сосед неохотно поделился своими приключениями. — Замолвишь словечко?

— Ближе к делу, — просто ответил Глеб, понимая, что «преступление» не стоит той важности, о которой вещает дед Матвей.

— У меня сигареты закончились. Вот я и прошел дворы. Стучался к знакомым. Они кипишь подняли...

— Получил их?

— Да. Но и ругань, что в три часа ночи все спят. Обещали участкового позвать. Вы с ним найдете общий язык. Он новенький.

— Договорились.

Дед Матвей похлопал Глеба по плечу, артистично поклонился и ушел. Ради этого стоило сюда приезжать, подумал Глеб. Он потушил сигарету о бетонный подоконник дома и положил окурок в карман брюк.

На кухне он сварилпельменей и подогрел чайник. В шкафчике рядом с кружкой был кофе, купленный месяц назад. После плотного обеда решил поизучать бумаги.

В гостиной он открыл увесистую папку. Первым по списку указан некий предприниматель Ефим Артурович Конгоров. Глеб приступил к чтению:

«Ефим Конгоров (05.09.1918) является уважаемым человеком в технологической среде. Создал свое предприятие «ЦарьСвязь». Специализируется на производстве радиоприемников и других средств коммуникации. В них входят рации и локационное оборудование. Меценат. Участвовал в строительстве школ для малообеспеченных. Искал таланты и после выпуска сирот из приютов брал на работу в свою компанию. Честен и открыт (по словам свидетелей). Заботиться о своем персонале. Спонсирует городские ярмарки и иные мероприятия. Потерял сына из-за «чумы».

Важно! В 1969 году грозился убить Николая Валерьевича. И обещал устроить его семье «сладкую жизнь» после раздела их совместного бизнеса по производству окон. В данный момент проживает по адресу: Мансардная улица, дом 7, кв. 13, 2 этаж. Конец отчета».

— И все? — Глеб посмотрел на фотокарточку, которую прикрепили к делу. На ней изображен седой и худой старик с густыми бровями. В углу нижней губе имелся шрам. Серые глаза будто пронизывали насквозь.

Глеб достал из заднего кармана свой черный блокнот. Вписал имя подозреваемого и его адрес. Он отложил досье в сторону. На следующем следили за Мартой Покаевой.

Лисье лицо надменно улыбалось с фотокарточки. На каштановые волосы надета шляпка с цветочками. Верхние скулы добавляли ей еще больший звериный вид, но с заигрывающим окрасом. Очень похожа на «пожирательницу мужских сердец» в возрасте. Краткое досье тоже не пестрило фактами:

«Марта Богдановна Покаева (08.03.1935) — бывшая совладелица ювелирной компании «Золотой бровик». Была замужем за Евгением Дмитриевичем Покаевым. Получила деньги после развода и акции компании. Проживает в коттеджном поселке «Царская стилистика». Является лучшей подругой Лиды. Неоднократно замечена в уходе от налогов и коррупции. Таким образом, продвигала свою продукцию министерствам по демпинговой цене. Конец отчета».

— Хулиганка, — усмехнулся Глеб. — Разговорить будет непросто.

Третье досье не сулило объемной информации. Черно-белая фотография запечатлела зрелую женщину рядом с Лидой на каком-то мероприятии. Высокая, с длинной шеей и в вечернем платье, она держала наполненный бокал, загадочно улыбаясь. Большой открытый лоб и сужение лица на подбородке не отвечали требованием красоты. Но подвеска на руке выглядела впечатляющей и дорогой.

«Клавдия Леонидовна Гущеева (5.06.1938), жена капитана дальнего плавания Гущеева Марка Прохоровича (неполная информация). Заводит любовников, пока муж в командировке. Живет в загородном особняке «Умлюстрик». Принимает гостей по предварительной записи. В узких кругах известна как «собирательница сплетен». Постоянно принимает подарки от «поклонников». Конец отчета».

Глеб делал пометки в блокноте. Решил пролистать остальное содержимое папки. Там была коллекция фотографий: Ефим Конгоров на фоне завода жмет руку Николаю Валерьевичу; Клавдия сидит в ресторане с молодым человеком; Вероника выходит из здания суда и ухмыляется; Лида с кем-то общается в машине (лица собеседника не видно); Муж Лиды руководит грузчиками, которые пытаются вытащить из грузовика мотоцикл. Еще дюжина похожих фотокарточек.

Частный детектив пытался запечатлеть их в будничной жизни. Скучные досье наводили Глеба на мысль, что знать больше запрещено.

Глеб закрыл папку. Внимание привлёк серый конверт на полу. Он поднял его и задумался. Нет, Глеб прекрасно помнил, как написал много строчек в попытке объяснить младшей сестре, почему так старательно ее избегает.

Отправить письмо? Или вновь оставить без внимания? До почтового отделения ехать пять минут... Вместо этого он кинул прошлогодний конверт в камин.

Глеб думал съездить к подругам Лиды, но те вряд ли будут в настроении давать показания перед похоронами.

Экспертиза затянется надолго. Бюрократия крайне мешала. «Ждите полный официальный отчет»...

С одной стороны, правильно. Ведь можно наделать много ошибок и отправится по ложному следу. А с другой — потеря времени. Ни одного свидетеля. Словно убийца — это призрак.

Глеб ворошил в памяти события вчерашней ночи. В них появились новые детали. В салоне не горел свет, а дверь-то открыта. Странно. И рана в виске... Убийца мог обойти машину. Но почему открыта? Пыталась защищаться и воспользоваться ею, как щитом? Она не дура. Прекрасно знала, что пули все равно пробьют тонкий металл.

Глеб ходил по гостинной как заведенный. Отдохнувший мозг строил новые «логические цепочки».

Пистолет разряжен. Лида истратила два магазина?

Мучительно размышлять, когда не можешь прямо сейчас выйти в «поле». И он заметил, что от шока сам мог пропустить ключевые зацепки. Корил себя из-за наплевательского отношения к осмотру автомобиля. После таких вот «ценных» прошлых отчетов экспертиза не внушала доверия.

Так прошел день. Глеб успел съездить в магазин и прикупить новых запасов. С чердака он вытащил настенный турник и закрепил его над дверью спальни. Радио работало постоянно,

но никаких новостей об убитом полицейском. Дикторы рьяно советовали следить за своим здоровьем и звонить в полицию на всякий случай. Хранить молчание и не говорить гражданам?

Это могло помочь в поимке преступника. Но и фальшивые звонки тоже не заставили бы себя ждать. А подражатели чего стоят? В любом случае вести просочатся в гражданское общество. Журналисты готовы озолотить таких «бравых» сотрудников. Сенсация не за горами. Опять виновата полиция... Поделом.

Второй день Глеб провел в машине. Проверял каждый сантиметр обшивки и проводов. Прослушивающие устройства могли мешать расследования. Лишние уши ни к чему. Разбирать салон не хотелось, а видимых признаков «жучков» не оказалось. Вечером Глеб приготовил рагу из овощей и вновь уснул на диване у камина.

Поднялся воющий ветер. Ветки деревьев скребли по дому, а их тень из окна увеличивалась от огня. Чуткий сон нарушил работающий двигатель машины у его двора.

Глеб подумал, что «Дуксмобиль» угоняют. Он достал пистолет из сейфа и вышел из дома в одной лишь пижаме. Белая и тонированная четырехдверная машина рванула с места. Но потом сдала назад.

Глеб приготовился стрелять, смотря, как опускается стекло водителя. Опасность диктовала, что нужно нажать на крючок, когда в него полетят пули.

За рулем сидела улыбчивая девушка. Глеб быстро убрал пистолет за спину и надеялся, что из-за ненастья его не заметила.

— Можете подойти, пожалуйста? — крикнула она. — Мы с мужем заблудились!

Глеб кивнул. Сжимая пистолет и пряча его, он старался «играть в добродушного»:

— Куда хотели попасть?

Девушка с белоснежными зубами показала карту и ответила:

— Мотель есть в этом селе? Устали кататься...

— Вам в туристическую зону. Сейчас разворачиваетесь и едете прямо. Затем направо. Это единственный поворот. Не ошибетесь. На пути увидите закрытые сувенирные магазинчики. После последнего поворачивайте налево. Упретесь в мотель. Хозяйку нужно разбудить. Ругаться не будет.

— Спасибо вам, — кивнула девушка. — Муж уснул, а я не умею ориентироваться по карте...

— Вам повторить маршрут? — спросил Глеб, стуча зубами от холода.

— Нет. Помню. Извините, что напугали...

— Счастливого пути, — сказал Глеб и поспешил к себе.

Машина уехала.

Если буду так волноваться, то точно не доживу до четверга, подумал Глеб.

Глава 3. "Елимаро"

— Привет, Арсений, — сказал Глеб, услышав голос коллеги в трубке таксофона. — Спишь?

— Нет, — сонно ответил Арсений. — На работу собираюсь. Много дел...

— Мне нужно, чтобы ты съездил на Мансардную улицу...

— Зачем?

— Так надо, — отчеканил Глеб, раздражаясь. — Седьмой дом. Тринадцатая квартира. Там живет Ефим Конгоров.

— Я знаю. Читал...

— Все в Мологу едут. Я покачу только через два часа. Не хочу тошниться в пробках...

— У меня пропавшие на носу. А ты не можешь сам?

— Я помню о деле... Так будет быстрее.

Возникла пауза.

— Ладно, — лениво произнес Арсений.

— В половину девятого я позвоню в офис. Будь там. Пожалуйста, — сказал Глеб, делая ударение на последнем слове. И положил трубку.

Глеб зашел в супермаркет на центральной площади городка. Он глазами выискивал среди полок дорожную карту. Лида таких не покупала, ведь ограничивалась только своим домом и знакомыми маршрутами внутри Мологи.

Бодрый продавец поприветствовал Глеба на кассе. И спросил про его соседа: перестал ли тот ходить за сигаретами по домам среди ночи?

Глеб положил карту в бардачок и завел двигатель. Он не хотел спрашивать Арсения про похороны. Казалось, что Лида всегда рядом. Ее парфюм бесил, а машина этими ароматами порядком провоняла.

Глеб уже собирался уезжать домой, как большой черный ворон сел на капот автомобиля. Черные глазки смотрели на водителя немигающим взглядом. Птица спокойно сидела, не шелохнувшись.

— Какого черта? — вопрошал Глеб, пытаясь повышением холостых оборотов заставить пернатого улететь. Но та лишь расправила крылья. Словно укоряла водителя за такую дерзость.

Глеб вышел из машины. Он махал рукой, прогоняя настырного ворона.

— Сиппо! — крикнул подошедший молодой мужчина. Высокий и коренастый. — Иди сюда! Давай!

Но Сиппо, видимо, понравилось сидеть на теплом капоте.

— Извините, — оправдывался мужчина, улыбаясь. — Никак не привыкнет к Иловне. Сынишку провожает.

— Какого? — не понял Глеб.

— Вон там, — ответил мужчина, кивком указывая на вереницу из детей, шедших под руководством воспитательницы по пешеходному переходу в сторону детского садика. — Мой беленький. От мамы унаследовал.

И правда, в окружении детишек гордо шагал маленький блондин, держа в руках картинку с вороном.

— Извините еще раз, — сказал мужчина, поманив птицу к себе. — Ко мне.

Сиппо вспорхнул на плечо своему хозяину.

— Цирк какой-то, — процедил Глеб.

— Если он поцарапал машину, то я оплачу.

— Плевать мне на тачку. Не переживайте. — Глеб внимательно осмотрел незнакомца. — Я вас тут не видел... Проездом?

— Прибыл из Казани, — улыбнулся мужчина. — По распределению приехал. Нравится мне это село...

— Ясно. Учитель?

— Да, — кивнул собеседник с Сиппо, который повторял за хозяином. — А вы полицейский?

Глеб кивнул, закуривая.

— У меня по документам все отлично...

— Да бросьте вы, — отмахнулся Глеб. — Просто впервые вижу ручного ворона...

— Я его подобрал еще птенцом. Кошка напала. Странно, что стая не приняла его после смерти родителей. Наверное, подумали, что тоже мертв. Живет со мной пятый год.

— Дома?

— Нет. В вольере. Он не может в избе. Балуется. А вы верите в суеверия?

— Нет.

— Хорошо. Многие его обходят стороной. Думают, что он приносит несчастья.

— Бывает.

— Сиппо сел именно на вашу машину. А сколько здесь припаркованных...

— И что?

— Ждите аварию в ближайшее время, — кивнул мужчина, закусив губу. — Не могу его отвадить провожать сына в садик.

— Спасибо за предсказание, — сказал Глеб, закуривая сигарету. — В моей работе только этого не хватало.

— Не верьте в чепуху, приятель. Ворон — умная птица. А эти суеверия от небольшого ума...

— Рад был поболтать с вами.

— До свидания, — сказал мужчина, а Сиппо вновь махнул головой.

— Взаимно.

Глеб смотрел вслед уходящему мужчине, а пернатый насмешливо каркал. Глеб хмыкнул, затушил окурок об урну и кинул его внутрь. Птица оставила в его душе что-то наподобие знамения, что расследование не станет легкой прогулкой.

Глеб ехал по ровной загородной дороге, окруженной пушистыми елями. Арсений выполнял указания Глеба. От консьержа он узнал, что Ефима Конгорова госпитализировали в больницу.

Арсений не поленился спросить фельдшера подстанции «Скорой помощи». Подозреваемого перевели в пансионат «Елимаро». Попастъ на дожитие могли только богатые и значимые люди. Простолюдинам уготованы обычные дома для престарелых.

Глеб всегда боялся заболеть слабоумием под старость лет. Отчасти он и выбрал свою работу, руководствуясь этим потаенным страхом. Пусть тело правильно служит, а дальше можно и под пули. Лишь бы не стать обузой для какой-то злобной сиделки. Словом, в планы стареть у Глеба не входило.

Он промчался сквозь открытые узорчатые ворота. Массивные поля успели покрыться тонкий слоем снега. Где-то виднелись остатки опавших желтых листьев у дубов и березок. Вокруг никого. А перед самым входом в поместье кипела жизнь. Инвалидные коляски с пенсионерами, управляемые медсестрами, следовали по многочисленным указателям.

Главное здание дорожками соединялось с другими постройками на территории «Елимаро». Новые блоки с табличками («Бассейн», «Библиотека», «Сигарная», «Бильярд» и другие) распахнули двери для своих постояльцев. Из динамиков на фонарных столбах играла музыка в жанре «Блюз». Тихая и размеренная мелодия подстать уютному поместью посреди живописной природы.

Глеб припарковался на знак «Инвалид», потому что остальные места оказались заняты. Он достал из багажника ветровку «Млечного». А свою куртку бросил в салон на задний диван. Пистолет, прикрепленный за спиной, топорщился.

По пандусу катили старушку в инвалидной коляске, которая что-то бубнила себе под нос. Она заметила Глеба и дрожащей узловатой ручонкой воскликнула:

— Его не пускайте! Он пришел меня убить!

— Успокойтесь, пожалуйста, — ласково осадила ее симпатичная медсестра. Она подмигнула Глебу и свернула вправо.

— Веселая прогулка, — пробормотал он, поднимаясь по мраморной скользкой лестнице. Открыв тяжелую дверь, Глеб попал в фойе. С потолка свисала могучая хрустальная люстра с имитированными под свечи лампочками.

За стеклянной перегородкой сидел охранник в черном униформе с журналом кроссвордов. Глеб последовал к нему:

— Доброе утро, — поздоровался он, доставая удостоверение. — Я из «Млечного». У меня есть разговор с Ефимом Конгоровым. Сообщили, что он здесь...

— Сейчас проверю, — охранник с недовольством откинул журнал и заглянул в список. — Есть такой. Только поговорить с ним не получится...

— С чего вдруг?

— Такие указания нашего главного врача. Я в этом не разбираюсь. Просто пометка стоит, что он недееспособен.

— Я хочу поговорить, — вторил Глеб с ноткой раздражения. — Посетителем меня назвать нельзя.

Охранник оторвал взгляд от списка и округлил глаза. Он только сейчас понял, что перед ним сотрудник полиции. Ветровка действовала лучше, чем удостоверение.

— Сейчас сообщу главному врачу.

— А начальник?

— Вот она и начальник, — быстро ответил охранник. — Подождите минуточку. Свяжусь...

— Хорошо, — кивнул Глеб, осматривая широкую закругленную лестницу, ведущую к верхним этажам.

Охранник взял телефонную трубку и покрутил циферблат.

— Доброе утро, Елизавета Игоревна. К вам пришел полицейский. Хочет поговорить с нашим постояльцем. — Охранник кивнул с фразой: — Угу.

— А почему его не назвали по имени?

— Порядки такие...

— Здесь никого, кроме нас, нет...

— Таковы порядки, господин полицейский, — сказал он, косясь в сторону выходивших на улицу пациентов без помощи медсестер.

— Ясно. Конспирация...

— Угу.

Послышался цокот каблуков с левой стороны лестницы. Появилась женщина в возрасте с прической «Улей». Такую Глеб видел по телевизору. Осиная талия наряду с военной выправкой дополняли уверенный шаг. Красивый и строгий белый халат был надет поверх легкого синего сарафана.

— Доброе утро, господин полицейский, — улыбнулась она, протягивая руку. — Вы хотели поговорить о нашем постояльце?

— Да.

— Пойдемте со мной. Подождите..., — она оценивающе посмотрела на Глеба. — У вас есть оружие?

— Конечно.

— Сдайте его, пожалуйста...

— Нет, — отрезал Глеб. — Я свой пистолет не отдаю кому попало, Елизавета Игоревна.

— Но правила...

— У нас другие. Пистолет будет со мной. И точка. Он на предохранителе.

Елизавета Игоревна отвела взгляд, но сразу расплылась в понимающей улыбке.

— Вы правы, господин полицейский. Следуйте за мной. Заодно скажите, к кому пожаловали...

— У меня есть пара вопросов к Конгорову Ефиму.

— Ефиму Тимуровичу. А в чем проблема? Что он совершил? — спросила Елизавета Игоревна, когда они прошли на второй этаж. Длинный коридор с текстильными бордовыми обоями и вставками из шпона пронизывали восточное крыло усадьбы. Напоминало больницу, но в дорогостоящем интерьере.

— Не могу вам сказать, Елизавета Игоревна, — уклончиво ответил Глеб, мельком осматривая открытые палаты. Каждая оказалось размером с его служебную двухкомнатную квартиру. Над убранством постарались: огромные окна с длинными светло-лиловыми шторами, обои малинового цвета, резная кровать с прозрачным балдахином. Он услышал в «палате» телевизионную передачу.

— Нравится? — спросила Елизавета Игоревна, понимая, что Глеб интуитивно исследует обстановку.

— Ничего так.

— Это место переделали под пансионат пятнадцать лет назад. Меценаты решили, что старость лучше встретить вдали от городского шума.

— У них на это есть средства.

— Это верно. А как вас зовут? Просто вы не представились. Я сегодня забежала с пяти утра...

— Глеб Холодов, — ответил Глеб, вытаскивая удостоверение. — Сыщик из «Млечного». Расскажите мне о Ефиме Тимуровиче, пока идем...

— Конечно. Он был одним из учредителей пансионата. Усадьба Мусиных-Пушкиных не подходила. Тогда в пяти километрах от Мологи создали это прекрасное место. После смерти сына Ефим Тимурович решил вложить средства в строительство «Елиमार». Понимал, что здоровье хрупкое. После кончины жены передал свое дело преемнику, а сам неоднократно попадал в больницу. Второй инсульт выбил его из колеи. Теперь живет здесь. Под уходом специалистов...

— Сиделок?

— Они прошли шесть степеней проверок. Каждый месяц консультируются с психологами. Нервная это работа. Много власти было у наших постояльцев, пока старость не заставила перестать ходить на работу. Они привыкли командовать. Их характер покладистым не назовешь.

— Я заметил, — произнес Глеб, вспоминая старушку у входа в поместье. — Много вам платят, что вы терпите их выходки?

— Мы не живем на государственные деньги, — холодно ответила Елизавета Игоревна, проходя мимо столовой, где некоторых стариков кормили с ложечки. — Дети платят за пребывание в пансионате своих родителей.

— Не хотел вас задеть, — сухо сказал Глеб. — А насильно их тоже закрывают?

— Такое бывает, — смягчилась Елизавета Игоревна. — Как я сказала ранее, что диктаторы всех раздражают. Дети сталкиваются с этим, когда мама или папа в возрасте превращают их жизнь в ад. Власть закончилась. Они столько лет пытались ее удерживать, а теперь бессильны без сиделок. Еще и деменция с каждым месяцем забирает из бывших знаменитостей

или хозяев жизни крохи личности. Они не помнят ничего. Такие находятся в другом блоке. Их приходится привязывать к кровати, чтобы не навредили себе или персоналу.

— И так каждый раз?

— Немного помогают таблетки. Я сталкивалась с таким заболеванием, когда проходила стажировку в доме престарелых. Их мозг разрушен и начинает деградировать... К сожалению...

— Мы ушли от темы, — заметил Глеб. Из комнаты слева шел горячий пар, а дверь с табличкой «Ванна» была распахнута. Оттуда доносилось старушечье пение. Елизавета захлопнула дверь:

— Ее моют. Бывшая оперная певица...

— Ясно. Мы скоро придем?

— Уже. Давайте так: поговорим о нем после того, как вы его увидите.

Они остановились у дубовой двери с номером «228».

— Вы пойдете со мной? — спросил Глеб.

— Да. Но вы разочаруетесь... — Она надавила на ручку. — Смотрите сами.

Перед ним предстала просторная комната в светлых тонах с дубовыми шкафами. Впечатляющая библиотека, где книги стояли ровным строем в твердых переплетах. Застеленная кровать находилась у окна. На подносе лежала еда: каша и яичница. Нетронутый завтрак дымился, пока сиделка читала прикованному к креслу седому старику с потухшим взглядом у камина. Одетый в шелковую пижаму мужчина, казалось, не реагировал на историю из книги.

— Твою мать, — вырвалось у Глеба под понимающий взгляд Елизаветы Игоревны. — И давно он такой?

— Второй инсульт сделал его таким. К сожалению...

— Разговора не выйдет...

— Если бы я это сказала на посту, то вы бы не поверили, — мягко объяснила Елизавета Игоревна.

Глеб подошел поближе, чтобы убедиться в его состоянии. Скрученные пальцы дрожали при тяжелом шаге Глеба. Нет сомнений, что перед ним поверженный болезнью человек. Как правильно написали в списке: «Недееспособный».

Открытое окно с морозным воздухом не смогло перебить запах старости, перемешанный с лекарствами.

— Поговорим? — спросила Елизавета Игоревна.

— Пойдемте, — согласился Глеб.

Они вышли в коридор. Рядом проходили постояльцы, и с удивлением смотрели на полицейского.

— Теперь им есть, о чем поболтать за ужином, — усмехнулась Елизавета Игоревна. — Они любят судачить и рассказывать о своей жизни по тысячу раз.

— Скажите, пожалуйста, с кем я могу поговорить о нем?

— С преемником или духовным наставником. Наставник живет на территории пансионата, а Шофин Эдуард постоянно в разъездах. Но могу дать номер телефона его секретаря.

— А наставник?

— В церкви. Ефим перед смертью жены построил здесь церквушку с колокольней. Точнее, отстроил заново после пожара.

— А как мне туда попасть?

— Просто идите по указателю.

— Спасибо. Сначала к нему. А как его зовут?

— Наум.

— Хорошо. Спасибо, что помогли.

— Номер телефона в моей кабине, — заявила Елизавета Игоревна. — Потом я попрошу сотрудника вас проводить до выхода. Здесь ходят только в сопровождении. Таковы правила. С оружием мы сделали исключение.

— Понимаю. Спорить не буду. Незачем.

Они дошли до ее кабинета. Доктор дала нужный номер и вызвала охранника, который спокойно шел рядом с Глебом до главных дверей.

Пошел снег. Машину успело немного запорошить. Прекрасная погода, если бы не обстоятельства. Дело будет продолжено вопреки надежде Глеба закончить расследование.

Он шел по скрипучему снегу и стуча зубами от холода. Колокольня являлась неким маяком.

Из церкви выходили прихожане: женщины в шубах и разноцветных платках. Глеб хотел закурить, но посмотрел на крест, возвышавшийся над куполом, и передумал.

Глеб посмотрел внутрь и обнаружил молодого священника в рясе, зажигающего свечи.

— Можно вас на минутку? — громко спросил Глеб.

— А почему не зайдете?

— Как-то непривычно к вам с оружием приходить. Я из полиции.

— Вы же замерзли...

— Надеюсь, быстро поговорим.

Наум кивнул и попросил прихожанку помочь ему поставить свечи. Поблагодарив ее, он вышел из церкви и захлопнул массивные двери.

— Ветер может внести свои коррективы.

— Понимаю, — сказал Глеб. — Вы духовный наставник Ефима Тимуровича?

— Да, — спокойно ответил Наум. — Я знаю к чему вы ведете...

— Тогда буду рад выслушать.

— Он пришел после ссоры с Николаем Валерьевичем. Фамилию не говорил, да я и не пытался. — Наум посуровел. — Вы думаете, что он убил Лиду?

— Вам уже известно, — сказал Глеб.

— В семь утра ворота пансионата открываются, чтобы верующие могли прийти в церковь и помолиться Богу. Я многое слышу. Иногда люди обсуждают в этих стенах то, что их страшит. Я знал, что вскоре вы наведаетесь в эти края...

— Тогда все значительно легче. — Глеб достал блокнот. — Скажите, пожалуйста, мог ли он это сделать? Или с помощью кого-то? Денег у Ефима Тимуровича хватало.

— Нет. Он поругался с Николаем Валерьевичем и корил себя, что сказал эти ужасные, разрушительные слова. Покаялся в этом и избрал путь ближе к Богу. Начал молиться и жертвовать на нужды обычных людей. Он примирился с Богом и пришел к свету.

— То есть думаете, что он не способен на это?

— Нет. Он приходил ко мне, когда Николай Валерьевич начал обманывать его на деньги. После продажи компании за бесценки Ефим Тимурович и бросил эти слова. Он мне говорил, что черт попутал. Потом пришел к заключению, что слишком долго думал о зарабатывании денег. Вот и начал заниматься благотворительностью. Активно жертвовал сиротам и инвалидам. Многие выходцы из приютов устроились на хорошую работу и были адаптированы к социальной жизни. В его действиях мецената не было никакого злого умысла.

— Умысла?

— Понимаете, есть люди, которые делают рабами своей воли тех, кому они отдали деньги. Грешники часто используют бедствующих в своих целях. А Ефим Тимурович, наоборот, всячески поощрял стремление нового поколения изучать точные науки, преуспевать в творчестве. И самое главное: он никогда не виделся с теми, кому помогал. Только преемник... Умерший сын Ефима Тимуровича мечтал открыть приют для животных. Любил лечить собак и кошек. Но чума...

— Понимаю.

— После той ссоры Ефим Тимурович дал себе зарок, что помогать должен не для заголовков в газетах, а анонимно. Чтобы никто не знал, кто причастен к счастью нуждающимся. Даже церковь восстановлена из пожертвований Ефима Тимуровича.

— Это не отменяет подозрений.

— Вы правы, господин полицейский. Я знаком с ним с семидесятого года. Он так сильно опечалился, что высказал своему обидчику непростительные слова. — Руки священника покраснели. — Однако вскоре они помирились...

— Так просто?

— Понадобились годы.

— А что скажете про Шофина Эдуарда Дмитриевича?

— Хороший человек. Он взял бразды правления, когда Ефима Тимуровича постигла болезнь. Учился по грантам Ефима Тимуровича. Сейчас также приверженец филантропии.

— Ясно.

— Не питайте иллюзий, господин полицейский. Люди склонны обвинять других за прошлое. Отец потерял самое дорогое — свою кровинку. Дружба разрушается, когда зло пытается вбить свои клинья...

— Вы правы. Не буду более вас отвлекать, Наум.

— Если вам понадобится духовное наставление, то с радостью поддержу вас.

— Спасибо. Учту.

— Всего вам наилучшего.

— Взаимно...

Глеб отошел на приличное расстояние от церкви и закурил. Николай Валерьевич ничего не сказал о перемирии. Утайки и ложь — это качество их гнилой семейки. Кинул партнера на деньги?

Глеб доехал до Мологи и первым делом занял таксофон. Позвонил в компанию «Царь-Связь». Постоянно занято. Копейки влетали в платежную щель одна за одной, а все также: короткие гудки. Спустя сорок минут получил сухой ответ секретаря:

— Он на совещании. Сегодня просьба не беспокоить.

В списке подозреваемых подруги Лиды и любовник. Но Глеб никогда не считал нужным откладывать сегодняшние дела на завтра. Тем более расследование. По карте ехать всего несколько километров...

Вдали от жилых домов в промзоне стоял невзрачный семиэтажный офис. Полностью серый. Лишь белые рамы окон пытались слиться со снегопадом, что обрушился за пять минут до приезда Глеба.

По ухабам медленно продвигались груженные фуры с товаром. Машина Глеба задевала пороги о выбоины в асфальте. Но он старался не обращать внимание на протяжный скрежет железа.

Охранники без вопросов пустили его на территорию офиса.

Прозрачные автоматические двери отъехали в разные стороны, а за стойкой его встретила улыбающаяся администратор.

— Добрый день. Могу я поговорить с Эдуардом Дмитриевичем?

— Только завтра, — вежливо ответила девушка, быстро печатая отчет на печатной машинке. — Если сообщите мне ваше имя, то я подберу оптимальное время для встречи.

Глеб достал удостоверение.

— По куртке не видно, что я из полиции?

— Извините. Но он сейчас занят. Они обсуждают новый продукт.

— Какой кабинет?

— Ладно, — вздохнула администратор. — Седьмой этаж. На лифте попадете в кабинет секретаря...

— Не переживай. Я скажу, что шел напролом, а ты пыталась меня остановить. Пиши дальше.

Глеб вышел из дверей лифта и увидел, как секретарь с копной рыжих волос закатила глаза. Ее ноги в туфлях выпирали из-под стола. А телефонная трубка заботливо положена на пепельницу, чтобы никто не мог мешать разгильдяйству.

— Куда? — вызывающе спросила она. — Нищие приходят в субботу. Не видно, что приема нет?

— Приема иногда нет в ваших рациях, — парировал Глеб. — Мне нужно поговорить с президентом. Слово «нет» не принимается...

— Нахал, — секретарь швырнула телефонную трубку обратно на кнопку переключателя звонка. Она загадочно ухмыльнулась: — Я могу позвать его. Но если будет презент.

— Какой?

— Шоколадка, например. — Она вальяжно опустила голову на спинку кресла. — Сбегаешь в автомат за гостинцем? Тогда сообщу, что ты здесь.

— У меня есть отличное предложение, — ответил Глеб. — Я могу тебе подарить пулю. Например, в ногу.

— Ты больной?

— Я сыщик из полиции. А от сладостей зубы чернеют. Не знала?

Скрип двери заставил Глеба и секретаря повернуть голову в сторону источника шума.

— Матильда! Что там у тебя?

— Господин президент, здесь к вам пытается попасть полицейский. Стой!

Глеб пошел к президенту. В дверной проеме на него смотрел молодой мужчина с короткой стрижкой. Темно-синий костюм на худой шее выглядел чужеродно.

— Нам надо поговорить, — отчеканил Глеб, доставая удостоверение. — У меня есть вопросы...

— Я занят, — грубо ответил Эдуард. — Мне некогда...

— Найдете время, — не отступал Глеб. — Чем быстрее поговорим, тем скорее я уйду.

— Я вызову охрану.

— Ладно. Нападение на представителя власти...

— Тебя отправил этот старый хрыч?..

За спиной Глеба подходили двое толстых громил. Таких он видел только у ночных клубов.

— Я вызвала! — радостным тоном выкрикнула Матильда.

Глеб полез за пистолетом.

— Стой! — выпалил Эдуард. Он кивнул своим через плечо Глеба. — Идите. Все нормально.

— Не такой прием я ожидал, — холодно произнес Глеб. — Могу выписать вам повестку в отдел...

— Поговорим в конференц-зал. Там пусто. Заходите в семьсот шестой кабинет, а я сейчас вернусь.

В зале стояли откидывающиеся кресла. Посередине находился длинный стол с четырьмя телефонами и проектор, который смотрел на белую доску.

Эдуард вернулся с кипой фотоальбомов.

— Меня предупредили о вашем визите, Глеб, — с порога сообщил он. — Я имею в виду пансионат. Удивительно, что с вами не приехала рота спецназа.

— А зачем?

— Николай Валерьевич много раз пытался отправить Ефима Тимуровича за решетку. Что в шестьдесят девятом, что сейчас. Совсем с катушек съехал. Почему не арестовали инвалида? Совесть проснулась?

— Я веду расследование. Хотите меня этим оскорбить? Не скрою, что бывший друг, как вы выразились, «старого хрыча» стал подозреваемым под первым номером. Но мой список этим не ограничивается. Есть пара имен...

— Вот как? — Эдуард сел напротив и открыл первый фотоальбом. — Странно, что передо мной не очередной слуга Николая Валерьевича.

— Скажу честно: Лида мне не нравилась. Вообще.

— Но дело передали вам...

— Есть такое важное слово, как непредвзятость. Моя работа заключается в том, чтобы опросить ближний круг убитой и причастных. Собрать алиби невиновных и найти преступника. А бегать за вами у меня просто нет времени. — Глеб посмотрел на Эдуарда. — Если бы Ефима Тимуровича сразу признали подозреваемым, то дело передали следователям. Сыщик им зачем, если убийца найден?

— Для дешевого представления, — горько усмехнулся Эдуард. — Можно на «ты»? Не для формальности сказано...

— Да. Если информация будет важной.

— Слушай, Глеб. Не буду ничего скрывать. Ефим Тимурович не мог ее убить. — Он вытащил из альбома фотокарточку и протянул Глебу. — Видишь? Это торжественный вечер. А год какой? Правильно... В семьдесят пятом. Лида приходила к ним в гости. Кто машину купил Дине на восемнадцатилетие? А почему он не перерезал ей тормоза?

— Месть подается холодной.

— Ты в курсе об их вражде?

— Вскользь.

— В шестьдесят третьем они основали фабрику по изготовлению оконных рам. Назвали «Молога Некст». Все шло хорошо. Пока через три года Николаю Валерьевичу не стало мало. Всего. Абсолютно. Он любил красивую жизнь. Но в его тупой башке не укалывалось, что забирая деньги из оборота компании, просядет и выручка. Потом одному пижону понравилась земля, где стоял завод. Понимаешь, к чему я клоню?

Глеб кивнул.

— Старый болван подделал подпись Ефима Тимуровича. Продали компанию за копейки. Те ее обанкротили и распродали по запчастям. Да, оскорбленный друг наговорил кучу мерзкого. Водка и не такое творила...

— А как они помирились?

— После этих слов у нового предприятия «ЦарьСвязь» начались вечные проверки. За все штрафовали. Пока жена Ефима Тимуровича не пришла поговорить с Лидой. — Он передал Глебу вторую фотокарточку. Там изображены два бывших друга, жмущих друг другу руки, улыбаясь на камеру. Фото датировано семьдесят четвертым годом. — Лида стала тем спасителем их дружбы. Николай Валерьевич отдал часть денег с продажи фабрики, а Лида была званым гостем на ужине у четы Конгоровых. Вот и все. Ефим — человек действия. Он мог убить ее много раз, если бы хотел. Но богатство и месть не представляли для него никакого смысла.

— Однако дружба закончилась...

— Для них началась новая эра. Только коммерческое партнерство. Мы работает на госконтрактах. Нашими товарами пользуются многие структуры.

— Это все?

— Решай сам, Глеб. Ефима Тимуровича тебе не приговорить. Он не способен даже стакан воды поднять...

— Я понимаю. Информация полезная, — сказал Глеб, поднимаясь из-за стола.

— Возьми мою визитку, Глеб. Самому интересно, кто это сделал...

— Ладно. Будем на связи.

Глеб открыл дверь, чтобы выйти, как услышал:

— Извини за Матильду. Никудышная, а гонору...

— Ага, — ответил Глеб, закрыв за собой дверь.

Глеб решил убедиться в правдивости слов Эдуарда. Он выведал информацию у курящих сотрудников. Они в один голос сказали, что бывший президент предоставлял бесплатные путевки на море и медицинскую страховку. Глеб понимал, что они будут молчать, чтобы не лишиться работы.

Приехал на квартиру подозреваемого. Расспросил соседей. Они подтвердили, что Лида иногда заезжала в гости к Конгорову. Всегда здоровалась на лестничной площадке и выглядела счастливой.

Через консьержа Глеб узнал адрес частного врача Ефима Тимуровича. Его пришлось два часа ждать в машине. Болезнь подтвердилась.

Все сходится. Притворством не пахнет. Неудача сузила варианты поиска.

Хотел заглянуть в офис и выяснить о продвижении экспертизы, но попал в пробку. Еще и криминалисты молчат. Хотя прошло мало времени...

Пришлось ни с чем отправиться в служебную квартиру.

Заработала рация. Глеб открыл глаза, наблюдая, как на ней загорелись зеленые огоньки.

— Глеб! Как слышно?

Глеб подтянул рацию к себе и нажал на клавишу.

— Слушаю, Арсений. Что случилось?

— Архив сгорел на Конюшенной.

— И?

— Труп нашли.

— Нам какое дело?

— Вызывают. Вроде убийство...

— Сколько времени?

— Почти половина второго.

Глеб потер глаза и ответил:

— Выезжаю. Встречаемся там.

Глава 4. "Огни"

Глеб выехал на главную дорогу в бизнес-квартале Мологи. Стекланные высотки обступали маленькие исторические здания. Сквозь открытое окно до Глеба долетали разные фразы на иностранных языках. Простые клерки встречали выходные с размахом: пили пиво, курили у разношерстных питейных заведений. Некоторые активно спорили или ругались. Интернациональные жители фотографировались друг с другом на фоне декоративных «замороженных» фонтанчиков.

После трудовой недели не грех и отлично провести время с сотрудниками конкурирующих компаний, коих в Мологе огромное количество. Даже пронзительный холод не смог отпугивать их по теплым домам.

У красочных трейлеров скопились внушительные очереди: под алкоголь отлично шел заграничный фастфуд. Круглые столики заняли страждущие поесть шаурму или гамбургеры. Сиреневыми пластмассовыми стаканчиками забили до отказа близлежащие урны.

Глеб свернул в арку, попав на задний двор старейшего архива Мологи. Уже стояли машины городских служб: «Скорая» и «Пожарная». Огни двух мигалок перемешивались и давили на глаза. В воздухе витал сильный запах гари.

Глеб вышел и осмотрелся. Никого из служителей закона. Кроме автомобиля Арсения, скромно припаркованного в темном углу. Он не спешил встречать коллегу.

Глеб подошел к водительской двери и постучал по стеклу, понимая, что Арсений его не заметил, потому что склонил голову и замер. От звука он встрепенулся и опустил стекло.

— Где наши? — спросил Глеб.

— В архиве, — нервно ответил Арсений, трясущимися руками держась за незажженную сигарету. — Они с главного входа зашли. По рации передали...

— С тобой все нормально? Пил?

— Нет.

— А почему не пошел?

Арсений тяжело вздохнул:

— Плохо себя чувствую...

— Да ну? — Проницательный Глеб не поверил. — Что произошло? Говори...

— Я... Я... Не могу...

— Боишься?

— Не хочу смотреть на труп...

— Ясно, — кивнул Глеб, открыв дверь машины. — Ты хоть раз стрелял?

— К чему клонишь?

— В нужный момент мне может понадобиться твоя помощь. А бояться выстрелов...

— Просто тошно смотреть на покойников. Вот и все. Я пропустил занятия, когда нас в морг приглашали...

— Ясно. Тогда оставайся и жди моих указаний по рации. Идет?

— Я не трус, Глеб. Меня всего трясет, когда жмуrow вижу.

— Нужно бояться живых, а не мертвых. Потом поговорим.

Глеб зашел в здание через заднюю дверь архива. Под ногами захлопала вода. Пожарные громко переговаривались в коридоре, когда он шел по лестнице, ведущей на второй этаж. Собирали пожарные рукава и выключали тяжелую водяную помпу. Желтая ленточка ограждала место возгорания.

Сотрудники пожарной охраны кивнули Глебу, когда тот приподнял ее, чтобы пройти дальше.

В большом помещении длинная стойка разделяла клиентскую и служебную зоны. Со стороны архивиста стояли бесчисленные передвижные стеллажи с документами. Но следов пожара Глеб не увидел.

— Привет! — крикнул мужской голос из глубины зала. — Ты следователь?!

Глеб пытался рассмотреть крикуна сквозь еле заметную дымку, но тот затерялся в полумраке.

— Я из «Млечного»!

— Ладно! Проходи!

Глеб переступил рубеж двух зон и попытался сориентироваться среди документов. Наконец, по мере продвижения по скользкому полу, слева заметил слабый свет. В открытом сейфе работали два криминалиста (в новой желтой униформе с черными выпуклыми буквами «К.Э.»).

— Нашли что-нибудь? — поинтересовался Глеб, перешагивая порог.

Вдумчивый полный криминалист с взъерошенной копной черных волос чесал бородку, оценивающе всматриваясь вглубь выдвигающегося шкафа. Худой напарник закрывал чемоданчик для расследований.

— Вячеслав, — представился первый криминалист, обмениваясь рукопожатием. — Из «Млечного»?

— Глеб. Где труп? — спросил Глеб.

— Это подождет. Ты прошаренный?

— В чем?

— Посмотри, — сказал Вячеслав, указывая на выжженное полотно стеллажа.

Глеба привлек внимание обгоревший предмет, похожий на вытянутую банку с тремя отверстиями. Вонь от жареного пластика буквально въедалась в одежду. Нет сомнений, что сейф подожгли, потому что это:

— Времянка, — понял Глеб.

— Что? — спросил второй криминалист, трясаясь от веса чемоданчика.

— Да брось его! — рявкнул Вячеслав. — Дали мне этого Аристарха, как хомут на шею. — Он посмотрел на Глеба: — Именно.

— А что такое «времянка»? — не унимался Аристарх.

— Уничтожает улики контрабандистов, — ответил Глеб. — Туристы используют ее, чтобы не замерзнуть в горах. Хорошая вещь. Выпущена в шестьдесят пятом. Модель «Сурикат».

— Она просто сгорела?

— Нет. У нее таймер. Запускаешь с отсроченным действием. Если вместо предохранителя поставить перемычку и вырвать динамик, то получается «Дракон».

— Чего? — с недоверием усмехнулся Аристарх. — Это же обычная горелка...

— Ага, — усмехнулся Вячеслав. — И стоит чудо инженерии сотку.

— Брешь...

— Для туристов полезно. Если купить сопло, — продолжил Глеб.

— Что-что?

— Трубка для вывода излишек газа из палатки. Чтобы не уснуть навеки...

— А каким боком тут контрабандисты?

— Таким, что водитель с контрабандой ставит таймер на «Драконе» и проезжает посты полиции. В наручных часах стоит будильник, который зазвенит за пять минут до того, как горелка начнет палить огнем. Чтобы он мог съехать на обочину и запустить заново. Если водилу попытаются поймать, то грузовик сгорит. Полиция ничего не докажет. Ведь пока будет вскрывать замки, начнется пожар. Просто штраф, а не тюрьма.

— Лучше потерять товар и грузовик, чем годы жизни, — подытожил Вячеслав, вытаскивая пакет из кармана куртки. — Понятно, юнец?

— Да, — кивнул Аристарх.

— Не стой столбом. Отведи сыщика к труп. Я позже подойду.

— Тело лежит в комнате отдыха, — пояснил Аристарх, показывая рукой в конец зала.

— Не похоже, что она задохнулась. Смотри под ноги. У меня салфеток нет...

— Она смогла бы убежать, — заметил Глеб. — Кто вызвал пожарных?

— Сигналка заорала. Горланила на весь город, — ответил Аристарх. — Сначала пожарные ликвидировали пожар, а потом проверяли подсобные помещения. Наткнулись на это...

В маленькой комнатухе у стола, наполненного коробками из-под печенья и кукурузных хлопьев, на спине лежала пожилая крупная женщина. В стеклянных глазах отражался свет от лампы криминалистов. На зеленом лице застыла гримаса ужаса: открытый рот в пене, которая дошла до подбородка, запавший язык и темно-зеленый налет на зубах.

От двери шел размытый черный шлейф — содержимое желудка женщины. У закрытого окна гудел холодильник, а настенные часы щелкали при каждой дерганье минутной стрелки. Рядом с выходом на крючках висели куртка и сумка из крокодиловой кожи.

— Отравили, — вслух подумал Глеб, следуя к труп, стараясь не наступить на рвотные массы. — Вы еду проверили?

— Взяли образцы. Отпечатки со всех поверхностей. Фотографировали тело...

— Зубы...

— Рвало убитую конкретно, — серьезно произнес Аристарх. — Здесь везде воняет...

— Вы осмотрели личные вещи? Пахнет кофеином...

— Холодильник. Книги и воду. Как положено.

— Дай перчатки.

— Держи.

Глеб осмотрел покойницу. Он пощупал карманы на брюках. Звякнула связка ключей в правом. Выудить их оказалось непросто. На одном прикреплена бирка с надписью «Служ». Два, видимо, от дома.

— Брелока нет, — заметил Глеб, проводя пальцем по цепочке с отсутствующими звеньями и безделушкой.

— Могла выронить, — предположил Аристарх. — Комната закрывается на замок.

— Узнали, кто это?

— Работница архива. Зовут Ларисой Владиславовной Чевушевой. — Он вздохнул: — Звали. В сумке паспорт. Кошелек не тронули. Я снял пальчики, а потом уже взял в руки. Инструкции не забыл.

Глеб рыскал глазами в поисках кофейного напитка. Он вернулся к стойке. В закрытой полке стоял белый стаканчик с крышкой. Другой лежал в мусорном ведре.

— Аристарх! — позвал Глеб.

— Ты нашел? — удивился подошедший криминалист.

— Она не могла уйти далеко от работы, — заметил Глеб. — Сними отпечатки, а потом отправь на экспертизу.

— Ладно. Ты куда?

— В кофейню.

— Иди через главный вход. Есть одна напротив.

— Скоро буду.

Глеб пересек улицу. Неоновая вывеска гласила, что «Кофестоль» работает круглосуточно. Зазвенел колокольчик, когда Глеб открыл дверь. Слева находился булькающий кофейный аппарат. Чаю в красных обертках дали половину всех витрин. А кофе беспорядочно навалили в полусферические корзины.

— Что-то хотели? — поинтересовалась молодая продавщица в бордовой униформе, выходя из-за прилавка.

— Доброй ночи, — поздоровался Глеб, показывая удостоверение. — Скажите, пожалуйста, вам знакома Лариса Владиславовна Чевушева?

— Да, — продавщица испуганно закивала головой. — Я видела пожар... Быстро прибыли! Молодцы.

— Она часто покупала кофе?

— Каждую смену. Сегодня я в ночную. Но уверена, что Лариса приобрела кофе у нас.

— Какое?

— Сорт? Синабурист.

— Никогда не слышал.

— Наша марка. Свежемолотый. С добавлением корицы и миндального молока. Хотите?

— Пожалуй. Сколько в день она покупала?

— Как обычно. Два. Один со льдом.

Глеб задумался, а потом попросил:

— Мне тоже сделайте.

— Сейчас.

— Можно из того же мешка, что и для Ларисы Владиславовны?

— К сожалению, только новые поставки. Вчерашнюю моментально раскупили. Пятница... А что случилось?

— Неважно.

— Наш товар соответствует всем стандартам качества, — угрюмо отрапортовала продавщица. — Я постоянно пью кофе. Документы в уголке потребителя. Могу позвонить директору...

— Я вас не трести пришел. — Он достал блокнот. — Вы никого не замечали подозрительного?

— Нет, — спокойно ответила продавщица, работая с кофемашиной.

— Кто-то выходил из архива перед пожаром?

— Сложно сказать. Там многолюдно. Увидела дым, а через минуты прибыли пожарные.

— Дадите телефон второго продавца?

— Конечно. Возьмите. — Она положила на прилавок заказ в бумажном пакете и запикнула туда цветную брошюрку. — Опросник и скидки для клиентов. Четвертый номер по списку. Зовут Изольдой...

— Спасибо, — сказал Глеб, зажимая пакет в кулаке. — Сколько с меня?

— За счет заведения, — смутилась продавщица.

— Не думаю. Сколько? Мне нужно идти...

— Рубль.

Глеб положил монету на прилавок монету и сказал:

— Спасибо. Всего доброго.

— И вам.

— Арсений! Прием! — Глеб достал рацию, пока шел по пешеходному переходу.

— На связи.

— Узнай через диспетчера о поступлении пациентов с отравлением в больницы. Сообщи о результатах.

— Принято.

Глеб вернулся в архив. Он передал кофе Аристарху, который ручкой поставил пометку: «Проба с магазина».

— Начальника архива вызвали? — спросил Глеб. — И где труповоз?

— Едет. Начальство в отпуске. Но мы вызвали другого архивиста. Представилась, как Прасковья Вилова.

— Правильно. Нужно понять, что уничтожил убийца.

— Я подожду в коридоре. Не хочу, чтобы Прасковья знала о трупe раньше времени.

— Лады, — улыбнулся Аристарх.

Спустя минут сорок появилась взбодораженная девушка с каштановыми волосами. Глебу приглянулась ее точеная фигура (тонкое сиреневое пальто облегалo торс и спину), выразительные карие глаза. Она прикусывала полные губы в красной помаде.

— Прасковья?

— Да. Вилова.

— Меня зовут Глеб Холодов. Сыщик из «Млечного», — представился он, показывая удостоверение.

— Что-то украли?

— Сгорели документы из сейфа.

— Все?

— Много...

— А где Лариса Владиславовна? — спросила Прасковья, высматривая за спиной Глеба знакомую.

— Вы можете показать, какие уничтожены? — уклончиво поинтересовался Глеб. — Только ничего не трогайте.

— Ладно.

В сейфе она проглядывала выгоревшие открытые стеллажи и заметила:

— Данные о людях, меняющих место жительства...

— В Мологе?

— Не только. И области. У нас много приезжих. Временная регистрация. Договора с арендодателями и квартиросъемщиками. Основательно спалили.

— А судебные дела? Или для нужд следствия...

— Они в центральном архиве. Здесь в основном простые запросы.

— А вы не заметили странностей в поведении посетителей?

— Нет. В архиве, как в библиотеке, — ответила Прасковья. — Оставили заявку и ждут нужной справки. В конце рабочего дня мы складываем сюда.

— А зачем хранить доки в сейфе?

— Это свежие данные. У нас большая текучка кадров. Вот и перенаправляются туда. Чтобы быстро предоставить информацию.

— Выйдем и поговорим? — предложил Глеб. — Аристарх!

— Мне нужно забрать вещи, — приглушенно сказала Прасковья.

— Пока ведется следствие... Позже...

— Что? — откликнулся Аристарх, стоявший напротив сейфа и проверяя фотоаппарат.

— У тебя вода есть?

— Конечно. Сейчас принесу!

Он достал из чемоданчика двухлитровую бутылку, наполненную минеральной газировкой.

— Зачем ты это носишь?

— Я бываю в таких местах, что мне даже ассенизаторы не позавидуют, — парировал Аристарх, протягивая воду.

— Тебе нужно подписать протокол! — крикнул Вячеслав, хлопая дверью в комнату отдыха.

— Ладно, — кивнул Глеб. Взял бутылку. — Спасибо.

Вячеслав, поскальзываясь, подошел к ним. Глеб в заключении написал, что предварительно женщина отравлена неизвестным ядом. Он поставил подпись в двух экземплярах.

— Рад был пообщаться. Если бы не обстоятельства, — произнес Вячеслав, пряча лист во внутренний карман куртки, а ручку в нагрудный.

— Взаимно.

— Передам освободившимся следователям. Теперь дождусь...

— Я понял, — прервал его Глеб, уводя Прасковью с собой.

— А-а-а-а, — понимающе протянул Вячеслав. Пожал плечами и подмигнул Глебу.

На заднем дворе Глеб с Прасковьей жадно дышали.

— Вы общаетесь с Ларисой Владиславовной?

— На совещании и инвентаризации. Я часто ездила в гости. Приятная женщина.

— А кто-то мог ей угрожать?

— Нет. Она очень добрая и отзывчивая. Оптимистка. Живет одна. Дочь вышла замуж за иностранца и уехала в Египет на ПМЖ. Муж недавно умер. Но они давно развелись. Работал археологом. Показывала мне фотографии с раскопок и его ранние письма оттуда.

— Лариса Владиславовна ругалась с клиентами?

— Исключено, — ответила Прасковья, а глаза округлились. — Что с ней? К чему такие вопросы?

Глеб понял, что уйти от ответа уже не получится. Всю нужную на данный момент информацию он получил.

— К сожалению, она погибла, — быстро проговорил он.

Прасковья побледнела и ухватила за правое плечо Глеба. Он пытался удерживать ее от падения на ледяной асфальт.

— Вы врете! — расплакалась Прасковья, с трудом подавляя новые приступы рыдания.

— Мне жаль, — понимающе произнес Глеб.

Могучего вида здоровяк подскочил к Прасковье. Взял девушку за руки, а потом обнял.

— Я ее брат, — сообщил он. — Не стыдно вам из-за каких-то бумажек доводить мою сестру? Черта с два она на себя вину возьмет.

— Олег, Лариса Владиславовна умерла! — пуше прежнего разревелась Прасковья. — В пожаре...

— Вот как? — опешил Олег. — Я-то думал...

— Возьмите, — Глеб предложил воду. — Станет легче. Делайте глубокие вдохи и медленно выдыхайте.

— Спасибо. Скажите, что это неправда. Что она жива и выйдет ко мне...

— Извините. Следователи могут вызвать для дачи показаний. Я понимаю, что сейчас не самый подходящий момент. Крепитесь, Прасковья.

— Можно вас на пару слов, господин полицейский? — занервничал Олег.

— Пойдем! — неожиданно воскликнула Прасковья. — Не лезь со своими дурацкими предложениями. Без тебя разберутся.

Олег в замешательстве переводил взгляд с Глеба на сестру. Затем они ушли в арку. Оттуда еще мгновения доносились всхлипы и гулкий звук шагов.

— Сложно им говорить? — спросил Арсений, куря у своей машины.

— Нет. Привык.

— В больницы никто с нетипичным отравлением не поступал. Только от маринованных огурцов... Ничего серьезного. Быстро решили... Клизмой...

— Подробности не мог опустить? — проворчал Глеб подходя к Арсению и закуривая. — Возьми телефон. Там сотрудница кофейни, которая работала в дневную смену. Узнай... Вряд ли прокатит...

— Будет сделано.

— И скажи следователями, чтобы попытались выведать у Прасковьи больше информации. Видел эту сцену? Не договаривает...

— Уверен?

— А сам как считаешь?

— Извини.

— И тряси криминалистов по поводу Лиды. Мы как слепые котята. Ни хрена не знаем. Ехать к подозреваемым без улики особого смысла не вижу...

— Но поедешь?

— Поспрашивать стоит. Нужно узнать о Лиде поближе. Круг общения и тому подобное. Завтра начну.

— Глеб...

— Знаю о пропавших. Немного подождут. Интересно, что покажет «баллистика»?

— Указания приняты. Увидимся.

— Ага.

— Пап! Пап! — семилетний ребенок настырно требовал внимания от задумчивого мужчины, которого держал за руку. — Купи мне пистолет. Самый дешевый.

Они шли по Никольской улице. Отовсюду пестрили краски новогоднего настроения. Уличные продавцы стучали ногами от холода, а игрушки на импровизированных картонных прилавках запорошило снегом.

Сын хотел, чтобы папа посмотрел на него и понял, что ему требуется пистолет стреляющий пулями.

Но мужчина в сером пальто и черных джинсах оставался непреклонен мольбам сына. Сквозь толстые линзы очков он вычитывал на листочке оставшиеся покупки на праздник.

— Не мешай, — осадил отец, дергая рукой. — Первого получишь свой подарок.

— А почему ей куклу, а мне какой-то мешочек с конфетами? — насупился мальчик. — Вечно ей все самое лучшее...

— Не говори глупостей.

Мальчик назло разжал пальцы и побежал к киоску с игрушечными солдатиками.

— Ну хоть это? — с надеждой попросил он.

— Твоя сестренка занимается фигурным катанием. У меня нет лишних денег на твои глупости. А коньки кто ей купит, по-твоему?

— На шампанское ведь хватило, — не унимался малец. — Сколько еще я буду терпеть?

— Глеб! — сердито крикнул отец. — Я ухожу, а ты оставайся!

Сын понурил взгляд и покорно поплелся на зов. Он ненавидел родного человека. Вечно сестре перепадали лавры. Потрепанный временем пуховик достался от дяди, а сестренка получила меховую шапку с прекрасной шубой...

— Ты куда? — спросила сонная мама. Она забыла смыть макияж, а химическая завивка потеряла былой лоск. От нее пахло алкоголем, ведь гости ушли только в полночь с дня рождения ее прелестной дочурки. Про Глеба не вспомнили. В который раз.

Женщина проснулась от шума из комнаты сына. Глеб с остервенением швырял немногочисленные вещи в спортивную сумку. Часы с кукушкой пробили четыре утра. Злобно сверкая глазами, он захлопнул шкаф.

— Уезжаю.

— Отец знает?

— Ему не наплевать? — отрывисто ответил Глеб, закрывая сумку на молнию. — Или устройте дифирамбы в мою честь? Нет?

— Ты никуда не пойдешь...

Она встала в дверной проеме. Глеб подошел к ней вплотную и прошипел ей в лицо:

— Пусти. Я вас презираю.

Мама не ожидала таких слов от «тихони».

— Это благодарность? Эгоист! — крикнула она, но все же отошла в сторону, пропуская в сына коридор.

— Ага. Слышал это много раз. Смешно. Не позорься. Что ты знаешь о заботе, а? Вам же лучше. Нет больше лишнего рта. Теперь она одна в комнате...

— Куда ты, Глеб? — смягчилась мама, понимая, что сын настроен серьезно.

— В армию, мам.

— Туда же с шестнадцати лет.

Глеб холодно усмехнулся:

— Мне полгода как шестнадцать. Забыла? Впрочем, привык к такой заботе.

— Вернешься обратно. Вот увидишь... Никто с тобой нянчиться там не будет.

— Лучше спать в казарме, чем слышать вечные разговоры, какая она прекрасная и всего добьется. Ты не можешь смириться с тем, что твой сын — пустое место? Ведь перед друзьями таким меня преподносишь? Забавно...

Мама достала кошелек из сумочки, что лежала на комод в коридоре.

— Возьми, — с наигранным благодушием она предложила двадцать рублей. — Если оплошаешь, то можешь приехать домой.

— Забудь. Знать вас не хочу! — унижительно бросил Глеб, шнуруя ботинки и поправляя на них язычок.

— Ты носишь фамилию своего отца. Как не стыдно? Что подумают другие?

— Я теперь Холодов, — усмехнулся Глеб.

— Что? Как?

— Мой дядя заменил мне отца. Тайский бокс и тир по выходным... Перед его смертью я пообещал, что возьму его фамилию.

Мама схватила за сердце и села на комод. Кошелек выскользнул из рук.

— Никогда таких паскудных слов не ожидала услышать...

— Да брось, мам, — сатирически произнес Глеб, поднимая сумку с пола. — А я кроме пренебрежения так ничего из детства и не вынес. Скажу проще: «Прощай». Буду надеяться, что больше не увидимся...

Он распахнул дверь и не сомневался в правильности своего выбора. Вечно один. Жаль, что не купили игрушечный пистолет...

Нынешний Глеб сидел на кухне своей служебной квартиры. «Цветочные» обои требовали переклейки. На плите свистел чайник. Он-то и вернул Глеба в настоящее. Что заставило обратиться разуму к таким сильным воспоминаниям? Тревожили и другие, но мозг успел их заблокировать. Законсервировать, чтобы никогда не открывать эту «банку страхов». Пошатающийся в разные стороны квадратный стол задрожал, когда Глеб облокотился на него, чтобы подняться. От этих мыслей начали «каменеть» ноги. Словно он вот-вот покинет свой родной дом...

Капли дождя забили по грязному стеклу, напоминая об одиночестве. Звякнул пистолет в кобуре на поясе, когда Глеб снимал чайник с конфорки. Не получил от отца, что хотел, а сейчас носит настоящее оружие. Напоминание о сложном пути.

Глеб понимал, почему рьяно рвется на работу. Нет нужды оставаться один на один со своим прошлым. В нем нуждаются. Но нельзя склоняться к тому, чтобы стать лучше сестры. Разные пути...

Воспитание сделало из него полицейского и напористого человека. Терять нечего. При смерти выделяют бюджетные два квадратных метра, а потом и вовсе забудут. Кормить червей

лучше, чем слыть неудачником. Он тешил себя надеждой, что трусам в полиции и армии не выжить. Только стойкий, будто оловянный солдатик способен прогнуть почву под ногами.

Глеб успокоился и налил в кружку кипяток. Из заварного чайника высыпал приличную порцию «каркадэ». Два кусочка сахара и перемешал. Во всем нужен настоящий порядок.

Квартира от государства отдана в пользование сотруднику на время действия контракта. Привитая в армии самодисциплина распространялась и на однокомнатное жилище. Капитальная уборка каждую субботу. Нельзя дышать пылью...

В единственной спальне стояла кровать и небольшой шкаф со скромным нажитыми скарбом: несколько хороших рубашек темных тонов, пять пар брюк (чтобы не стесняли движение) и зарубежные джинсы. Начищенная до блеска пара черных кожаных туфель предназначалась для мероприятий.

Глеб положил на прикроватную табуретку кружку с обжигающим чаем и лег на холодную постель, закрыв глаза.

Глава 5. "Мы чтим тайны"

— Чудно, Глеб. Прекрасно, что решил привезти мне отчет, — смежив веки, сообщил Николай Валерьевич в белом халате из махровой ткани. Сидел в кресле-качалке, как барин. Он положил отчет на поднос. — Я распорядился выпустить заключение экспертов в кратчайшее время.

— Отлично, — равнодушно произнес Глеб. — Я опросил всего одного подозреваемого. Пока сложно разговаривать с другими, не имея улик на руках.

— Верно мыслишь, — сказал Николай Валерьевич, кивком указывая своему дворецкому налить холодное шампанское в бокал. — Будешь?

— Я за рулем.

Они находились у бассейна, который вплотную прилегал к особняку.

— А почему курьеру не передал? Не доверяешь?

— Не стоит давать повод журналистам, — ответил Глеб, смотря на белоснежные колонны по периметру бассейна. Глеб запачкал белый кафель грязью с обуви. Но служанка уже орудовала шваброй с тряпкой. Сквозь арочные окна проникал свет с прожекторов от поля для гольфа. Глеб на это заметил: — Не экономите свет.

Николай Валерьевич с наслаждением смаковал по глотку винный напиток.

— Безопасность превыше всего. Охране так удобней. Лучше заплатить за свет, чем за мешки для трупов.

— Наши на посту?

— Нет. Частники. Проверены личном мною. Не думай, что я силы полиции использую в свое благо. Пусть охраняют улицы...

— По тебе не скажешь, — усмехнулся Глеб.

— В следующий раз передавай отчет через моего секретаря...

— Я должен узнать кое-что...

— Ну?

— Какого черта ты отправил меня к старику с инсультом? Не мог по своим канал разведать?

— Хотел убедиться.

— Паранойя отнимает время. Хотел тебе в глаза посмотреть и напомнить, что оно уходит...

Неожиданно в бассейн прыгнула смуглая девушка. Она изящно выплыла на поверхность и отбросила густые черные волосы назад. Красивая и одновременно грустная.

— Это Софья. Подруга Дины, — пояснил Николай Валерьевич, наблюдая за взглядом Глеб. — Приезжала на похороны. Сейчас помогает Дине пережить эту потерю.

— А я думал, что бес в ребро ударил...

— Шутки маргиналов оставь при себе, — недовольно забурчал Николай Валерьевич. — На ужин останешься? Или кофе?

— Вот его точно не буду. Мне пора.

— Давай.

Софья смотрела вслед уходящему сыщику. Потом она нырнула на глубину.

Глеб через калитку с высокими порогом выбрался в сад. Из-за искусственного света свои страшные тени отбрасывали античные скульптуры. Атлетичные мужчины выжидательно замерли в олимпийских позах.

Глеб прошел мимо охраны. Они следили за каждым его шагом. Сигнализация в машине открыла двери. Но сыщик замер.

— Что за?..

На капоте калачиком свернулась Дина в бирюзовой пижаме. Глебу было больно смотреть на некогда красавицу. «Баловень судьбы» осунулась, кудрявые волосы стали сальными. Похожая на свою маму, она приглушенно рыдала. В голубых глазах стояли слезы, которые стекали по носу и щеке.

— Дина, — тихо позвал Глеб, аккуратно ступая к автомобилю.

— Мамина машина, — с придыханием пробормотала она. — Я думала, что мамочка приехала. А почему она у тебя?

— На балансе у «Млечного». Не моя. Так распорядился твой дедушка.

— Я надеялась, что... Что она примчалась. Она меня предала...

— В смысле?

— Я звала ее сегодня. Звонила. Не отвечает.

— Холодно на улице. Простудишься...

— Выйдет из машины и отведет меня домой. Мы выпьем горячего чая и поговорим о моей работе...

Глеб впервые не знал, что предпринять. Душевная травма Дины откликалась в его разуме. Словно кто-то сильно бил в набат. Он осмотрелся. К счастью, к ним спешила взволнованная служанка, застегивающая куртку поверх формы.

— Давно она лежит?

— Без понятия, — ответил Глеб, смотря в пустые глаза Дины. — Могу помочь...

Служанка заботливо взяла девушку за руку и потянула на себя, уговаривая ласковым голосом пойти домой. Дина после нескольких минут промозглого ветра нехотя согласилась.

Служанка скинула с себя куртку и с материнской теплотой надела на Дину. Положив ей руку на плечо, она корректировала их продвижение к главному входу в особняк.

Дина прошла мимо Глеба и неожиданно резко обернулась. Лицо стало непроницаемым, а в глазах загорелись огоньки.

— Найди этого выродка. Я хочу посмотреть на того, кто лишил мою маму жизни. Пусть гниет в тюрьме до смертной казни. Сама приду посмотреть.

— Обещаю, Дина, — искренне ответил Глеб, понимающе кивнув. — Сделаю, что от меня зависит.

— Не подведи, — бросила она напоследок.

Глеб доехал до ворот. Вышедший охранник из домика жестом попросил опустить окно.

— Вас просят отвезти подругу Дины до вокзала...

— Я могу подождать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.